

Э.Л. Безносков

Александр Сергеевич Грибоедов

(1790(95)–1829)

(в сокращении)

I

В 1829 году, в год трагической гибели Грибоедова, Россия вела войну с Турцией. Пушкин, тщетно добывавшийся всю свою жизнь разрешения от властей на поездку за границу, отправился на театр военных действий. Он дошел вместе с русской армией до Эрзерума и описал эту военную кампанию в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года». Сильнее всех боевых стычек воображение поэта поразила одна встреча, произошедшая 11 июня 1829 и так описанная им в книге:

«Отдохнув несколько минут, я пустился далее и на высоком берегу реки увидел против себя крепость Гергеры. Три потока с шумом и пеной низвергались с высокого берега. Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. “Откуда вы?” – спросил я их. “Из Тегерана”. — “Что вы везете?” — “Грибоеда”. Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис». Если бы Пушкин работал над «Путешествием в Арзрум...» непосредственно во время поездки, как говорится, «по горячим следам», то, вероятнее всего, этим скудным известием дело и ограничилось бы. Но книга писалась в 1835, и Пушкин предался воспоминаниям и набросал краткий и выразительный портрет Грибоедова: «Не думал я встретить уже когда-нибудь нашего Грибоедова! Я расстался с ним в прошлом году, в Петербурге, пред отъездом его в Персию.

Он был печален и имел странные предчувствия. Я было хотел его успокоить; он мне сказал: “Vous ne connaissez pas ces gens-là: vous verrez qu’il foundra jouer les couteaux”¹. Он полагал, что причиной кровопролития будет смерть шаха и междоусобица его семидесяти сыновей. Но престарелый шах еще жив, а пророческие слова Грибоедова сбылись. Он погиб под кинжалами персиян, жертвой невежества и вероломства. Обезображенный труп его, бывший три дня игрищем тегеранской черни, узнан был только по руке, некогда простреленной пистолетною пулею.

Я познакомился с Грибоедовым в 1817 году. Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, — все в нем было необыкновенно привлекательно. Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении. Несколько друзей знали ему цену и видели улыбку недоверчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось им говорить о нем как о человеке необыкновенном. Люди верят только славе и не понимают, что между ими может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерскою ротою, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в “Московском телеграфе”. Впрочем, уважение наше к славе происходит, может быть, от самолюбия: в состав славы входит и наш голос.

Жизнь Грибоедова была затемнена некоторыми облаками: следствие пылких страстей и могучих обстоятельств. Он почувствовал необходимость расчесться единожды навсегда со своею молодостию и круто поворотить свою жизнь. Он простился с Петербургом и с праздной рассеянностию, уехал в Грузию, где пробыл семь лет в уединенных, неусыпных занятиях. Возвращение его в Москву в 1824 году было переворотом в его судьбе и началом непрерывных успехов. Его рукописная комедия: “Горе от ума” произвела неописуемое действие и вдруг поставила его наряду с первыми нашими поэтами. Несколько времени потом совершенное знание того края, где начиналась война, открыло ему новое поприще; он назначен был посланником. Приехав в Грузию, женился он на той, которую любил... Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неравного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна».

И заканчивает свои воспоминания и размышления о жизни Грибоедова Пушкин следующими рассуждениями:

¹ Вы еще не знаете этих людей: вы увидите, что дело дойдет до ножей (франц).

«Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...»

Казалось бы, в данном случае Пушкин не совсем справедлив. Друзья Грибоедова действительно не написали его биографии, однако многие из них оставили свои воспоминания о нем, которые наряду с официальными документами и письмами самого Грибоедова и письмами к нему становятся источниками нашего знания о жизни и трудах великого русского драматурга. Но тем не менее в сочинениях Пушкина есть много горькой истины.

Время рождения Грибоедова отстоит от нас всего на два с небольшим столетия, эта эпоха, блистательный XVIII век, когда люди охотно и много писали письма, вели дневники и путевые заметки, которые из факторов частной жизни становятся в это время литературными жанрами, так как отвечают запросам времени, которое все больше обращает внимание на внутренний мир человека, на его частную жизнь, в которой он становится существом суверенным, независимым от государства и общества, где же еще душа человека может излиться так непосредственно и свободно, как не в дневниках и путевых заметках. И литература имитировала в художественных произведениях непосредственную передачу впечатлений и душевные движения, характерные для человеческих документов подобного рода. Более того, начало девятых годов, десятилетие, в которое родился Грибоедов, было ознаменовано появлением сразу двух произведений, которые были написаны в жанре путешествий и которым суждено было сыграть особую роль в русской литературе, истории и культуре: «Письма русского путешественника» Н. Карамзина и «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Радищева. Эпоха оставила богатые архивы, в нашем распоряжении многочисленные мемуары современников Грибоедова, их переписка и дневники, но некоторые тайны жизни драматурга уже едва ли когда-нибудь будут раскрыты. И даже сами обстоятельства как будто позаботились об этом: дважды были уничтожены практически все его бумаги. Первый раз — в 1826, когда после восстания декабристов Грибоедов перед своим арестом сам сжег их, а второй — во время тегеранской резни 1829, когда толпа, разгромившая русскую миссию, уничтожила и бумаги посланника.

При назначении Грибоедова на его последнюю должность полномочного министра при персидском дворе был составлен его официальный послужной список. В нем перечислены все места службы чиновника Коллегии иностранных дел:

«Статский советник Александр Сергеевич сын Грибоедов от роду имеет 39 лет. Полномочный министр при персидском дворе. Из дворян. За матерью его состоит в разных губерниях 1000 душ.

По выпуске из императорского Московского университета кандидатом прав 12 класса вступил в службу в сформированный графом Салтыковым Московский гусарский полк корнетом 1812 г. июля 26.

По расформировании оного поступил в Иркутский гусарский полк тем же чином, того же года, декабря 7.

Из оного полка, вследствие прошения его, Высочайшим приказом уволен от военной службы для определения к статским делам с прежним статским чином 1816 г. марта 25.

Определен в ведомство Коллегии иностранных дел губернским секретарем 1817 г. июля 9. Произведен в переводчики того же года, декабря 31.

Определен секретарем к Персидской миссии 1818 г. Пожалован в титулярные советники того же года, июля 17.

Произведен в коллежские асессоры Высочайшим указом 1822 г. января 3.

Получил дозволение носить орден Льва и Солнца 2-й степени, марта 10.

Выбыл из миссии Персидской и по Высочайшему повелению определен по дипломатической части к г. Главноуправляющему в Грузии, февраля 19.

Уволен по дипломатическим делам в Москву и Петербург на 4 месяца — 1823 г. марта 5.

С Высочайшего соизволения по представлению генерала Ермолова отпущен за границу к минеральным водам для излечения — 1824 г. мая 1.

По Высочайшему повелению, объявленному начальником Главного штаба, произведен в надворные советники 1826 г. июня 8.

По представлению генерала Паскевича Всемилостивейше произведен в коллежские советники — 1827 г. декабря 6.

Награжден чином статского советника, орденом Св. Анны 2-й степени с алмазными знаками и 4000 р., 1828 г. марта 14.

Назначен полномочным министром при дворе персидском — 1828 г. апреля 25».

Официальный документ, как и положено казенному документу, сух и лаконичен.

II

В приведенном выше послужном списке в качестве года рождения писателя указан 1790, но в других указывался и 1794, и 1795, так что точного года рождения Грибоедова мы доподлинно не знаем, но знаем, что родился он 4 (15) января в Москве. О раннем периоде его жизни сохранилось не так уж много достоверных сведений. Его мать, Анастасия Федоровна Грибоедова, вышла замуж в 1791 за своего однофамильца отставного секунд-майора Сергея Ивановича Грибоедова, но их семейная жизнь была омрачена ссорами, и отец драматурга жил постоянно отдельно от семьи в своей владимирской деревне, лишь изредка навещая жену и детей в Москве.

Первоначальное образование Грибоедов получил дома, в 1802 или в 1803 он был определен в Московский университетский Благородный пансион, а в январе 1806 поступил на словесное отделение философского факультета Московского университета. Таким образом, ко времени поступления Грибоедова в университет ему исполнилось только одиннадцать или двенадцать лет. Но, впрочем, порядки тогда были более-менее патриархальные, и отроческий возраст не мог служить препятствием для поступления в университет.

Грибоедов, поступая в университет, знал в совершенстве французский и немецкий языки и читал в оригинале латинских поэтов. 30 января Грибоедов поступает на словесное отделение философского факультета, которое оканчивает 3 июня 1806 и получает степень кандидата словесных наук, но не оставляет университет, а переходит на этико-политическое отделение (так тогда именовали юридическое) того же философского факультета. 15 июня 1810 он оканчивает и это отделение, получает степень кандидата прав, но вновь остается в университете, на этот раз для изучения математики и естественных наук. Но математическое отделение Грибоедов не успел окончить, так как началась Отечественная война 1812 года.

III

Грибоедов оставляет университет и добровольцем отправляется в армию. 26 июля 1812 в чине корнета он был зачислен в Московский гусарский полк и в составе этого полка 1 сентября выступил в поход в Казань, которая была определена местом дислокации. 17 декабря 1812 Московский гусарский полк был соединен с Иркутским драгунским полком и получил наименование Иркутского гусарского. В этом виде он был подчинен штабу кавалерийских резервов. В мае 1813 Грибоедов прибывает в город Кобрин Гродненской губернии, к месту дислокации полка, и в сентябре его назначают адъютантом командира резервного кавалерийского корпуса генерала А. Кологривова в город Брест-Литовск. Во время военной службы Грибоедов впервые выступает как литератор: в августе и октябре 1814 в журнале «Вестник Европы» появляются его статьи «Письмо из Брест-Литовска к издателю» и «О кавалерийских резервах».

В первой из них описывался праздник, которые устроили офицеры резервного кавалерийского корпуса своему командиру, высочайше пожалованному орденом Св. Владимира 1-й степени, а во второй оценивалась деятельность генерала Кологривова на посту начальника кавалерийских резервов.

В это время Грибоедов знакомится и близко сходитя с племянником генерала Кологривова Степаном Никитичем Бегичевым, которому суждено было стать самым душевным другом писателя. Пожалуй, это один из немногих среди многочисленных знакомых Грибоедова, абсолютно непричастный к литературе. И даже внешне, казалось, не было ничего общего между пылким Грибоедовым и спокойным и рассудительным

Бегичевым, которого сам писатель называл «флегморидием».

Даже Булгарин, бывший близким другом Грибоедова и хорошо знавший Бегичева, вспоминал:

«Здесь <в Брест-Литовске> для Грибоедова началась новая жизнь. Пламенная душа требовала деятельности, ум — пищи, но ни место, ни обстоятельства не могли удовлетворять его желаниям. Надлежало чем-нибудь наполнить пустоту сердца, и юность представила ему в радужных цветах мечты наслаждений, которых истинная цена познается только с годами и опытностью. Дружба спасла Грибоедова от сетей, в которые часто попадают пылкие и благородные, но неопытные юноши в начале светского поприща. В это время Грибоедов познакомился и подружился с Степаном Никитичем Бегичевым, бывшим тогда адъютантом при генерале Кологривове, и нашел в нем истинного друга и ментора. Дружба эта продолжалась до смерти Грибоедова и длится за гробом. В свете не поверили бы и стали удивляться такой дружбе, какая существовала между Грибоедовым, Бегичевым и еще некоторыми близкими к сердцу покойного. Чувства, мысли, труды, имущество — все было общим в дружбе с Грибоедовым. Нет тех жертвований, на которые бы не решился Грибоедов для дружбы: всем жертвовали друзья для Грибоедова. Его нельзя было любить иначе, как страстно, с энтузиазмом, потому что пламенная душа его согревала и воспламеняла все вокруг себя. С Грибоедовым благородный человек делался лучше, благороднее. Его нежная привязанность к другу, внимание, искренность, светлые, чистые мысли, высокие чувствования переливались в душу и зарождали ощущение новой, сладостной жизни. Его голос, взгляд, улыбка, приемы имели какую-то необыкновенную прелесть; звук его голоса проникал в душу, убеждение лилось из уст...

Грибоедова любили многие, но, кроме родных, ближе всех к нему были: С. Бегичев, Андрей Андреевич Жандр и я. Познав Грибоедова, я прилепился к нему душою, был совершенно счастлив его дружбою, жил новою жизнью в другом, лучшем мире и осиротел навеки!..

Но первое право на дружбу Грибоедова имел Бегичев. Он узнал его прежде других, прежде постигнул его и в юношеском пламени открыл нетленное сокровище, душу благородную. С. Бегичев разбудил Грибоедова от очарованного сна и обратил к деятельности. Грибоедов писал стихи, еще посещая университет, но не собирал их и не печатал. В Польше он снова обратился к русской словесности...»

Конечно, воспоминания Булгарина о Грибоедове представляют собой напыщенный панегирик, в который, как в глаза Манилова, по словам Гоголя, «чересчур было передано сахару», но ведь и сам Грибоедов писал Бегичеву:

«Ты, мой друг, поселил в меня, или лучше сказать, развернул, свойства, любовь к добру; я с тех пор только начал дорожить честностью и всем, что составляет истинную красоту души, с того времени, как с тобою познакомился, и, ей-Богу! когда с тобою побываю вместе, становлюсь нравственно лучше, добрее».

Даже тот факт, что Грибоедов читал не до конца отделанные сцены «Горя от ума» только двум людям: Кюхельбекеру и Бегичеву, о многом говорит. Лишь спустя четверть века после гибели Грибоедова С. Бегичев составил «Записку об А.С. Грибоедове». Но такое долгое молчание объясняется скромностью Бегичева, который говорил, что «на восьмом десятке лет» не хочет «сделаться известным только тем, что был искренним другом Грибоедова», но добавлял, что гордится этим. Кроме того, как вспоминала племянница Бегичева Е. Соковнина, ее дядя считал себя чуть ли не единственным виновником трагической гибели своего друга. Ведь Грибоедов согласился поехать посланником в Персию во многом благодаря настоянию Бегичева, считавшего, что со своими познаниями и дарованиями Грибоедов на этом посту принесет много пользы родине.

Грибоедов был знаком и с младшим братом С. Бегичева Дмитрием Никитичем. Сам не чуждый литературе, Д. Бегичев довольно своеобразно способствовал популяризации комедии Грибоедова «Горе от ума». В 1832 он написал роман «Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян». Роман пользовался успехом, а некоторым его персонажам Бегичев дал имена персонажей «Горя от ума», так, мы находим среди героев романа Фамусова, Александра Андреича Чадского, Репетилова, Молчалина, Скалозуба, Софью, Хлестову, Тугоуховскую и других. Е. Соковнина вспоминает о забавном случае, который произошел в 1823, когда Грибоедов гостил летом в деревне у С. Бегичева. Дело происходило летним вечером. В беседке сошлись все обитатели дома.

«Так как вечер был теплый, то Дмитрий Никитич расстегнул жилет. Жена его Александра Васильевна (урожденная Давыдова, родная сестра партизана Д. Давыдова), боясь, чтобы муж не простудился, несколько раз подходила к нему, убеждая застегнуть жилет... Д.Н., увлеченный разговором, не обращал внимания на ее просьбы и наконец с нетерпением воскликнул: “Эх, матушка!” — и, обратясь к брату, сказал: “А славное было время тогда!” Грибоедов, безмолвный свидетель этой сцены, расхохотался, убежал в сад и, вскоре за тем принеся свою рукопись, прочел им сцену между Платон Михайловичем и Натальей Дмитриевной, только что им написанную, прибавив при этом: “Ну, не подумайте, что я вас изобразил в этой сцене; я только что кончил ее перед приходом к вам”. Конечно, все смеялись...»

Познакомился в это время Грибоедов и с другим человеком, которому также было суждено сыграть важную роль в его жизни и становлении как писателя, с драматургом Александром Александровичем Шаховским.

IV

Именно Шаховскому обязан был Грибоедов приобщением к театру. Уже выйдя в отставку и поселившись в Петербурге, Грибоедов стал частым посетителем салона Шаховского, который сам драматург называл «чердаком». Там встречал он многих писателей, актеров, собиравшихся на «чердаке» после спектакля, чтобы обсудить пьесу, постановку, игру актеров. Здесь же познакомился Грибоедов со знаменитой балериной Истоминой, и это знакомство сыграло роковую роль в его жизни.

Авдотья Истомина (Евдокия Ильинична) была знаменитой балериной, или, как тогда говорили, танцовщицей Санкт-Петербургского балета, воспитанницей театрального училища, ученицей Дидло. Ее воспел Пушкин в «Евгении Онегине».

Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другую медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола;
То стан совет, то разовьет,
И быстрой ножкой ножку бьет.

Благодаря своему таланту и красоте, Истомина всегда была окружена толпой поклонников. Не раз из-за нее происходили поединки, оканчивавшиеся порой трагически. Уже в 1840-х, оставив театр, Истомина вышла замуж за второстепенного актера Екунина.

Бывал на «чердаке» Шаховского и Пушкин, недавно окончивший лицей и живший в Петербурге.

Шаховской всячески пропагандировал национальный покррой одежды в противовес европейской моде. В его салоне происходили обсуждения и этого предмета.

Один из участников этих разговоров вспоминал, как перед Шаховским «стали сравнивать нынче принятое платье с чисто русским и, расхваливая бархатные однорядки, шубы, охабни и вообще согласную с климатом одежду, нечаянно спросили: что, если бы ее ввести теперь? При этом вопросе он молча закрыл лицо руками, быстро вскочил со своего места и со словами: “Зачем осуществлять то прекрасное старое, чего возвратить нельзя?” – от внутреннего волнения большими шагами стал ходить по огромному своему кабинету».

Не здесь ли источник насмешек Чацкого над европейскими нравами, фраками и вообще засильем чужеземного:

Пускай меня отъявят старOVERом,
Но хуже для меня наш Север во сто крат
С тех пор, как отдал все в обмен на новый лад —
И нравы, и язык, и старину святую,
И величавую одежду на другую

По шутовскому образцу:
Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем,
Рассудку вопреки, наперекор стихиям;
Движенья связаны, и не краса лицу...

20 декабря 1815 Грибоедов подал прошение об увольнении с военной службы и переводе в статскую. 25 марта 1816 его отставка была принята. Но еще в конце 1814 он приехал в Петербург в отпуск и оставался там вплоть до официальной отставки. Именно в это время завязывается его дружба с драматургом Н. Хмельницким, служащим канцелярии Комитета министров А. Жандром, поэтом П. Катениным.

Катенину отдал дань Пушкин, упомянув в романе «Евгений Онегин» о его роли в истории русской драматургии и русского театра в качестве переводчика трагедий знаменитого французского драматурга XVII века, одного из основоположников классицистической трагедии Пьера Корнеля:

Там наш Катенин воскресил
Корнеля гений величавый...

Среди посетителей «чердака» Шаховского Катенин отличался наибольшей последовательностью в борьбе против карамзинского направления в русской литературе. Андрей Андреевич Жандр, с которым Грибоедов познакомился еще в 1815, когда тот служил чиновником канцелярии Комитета министров, страстно увлекался литературой и театром. В 1824 Жандр стал правителем Военно-счетной экспедиции и организовал в ней переписывание только-только завершенной Грибоедовым комедии «Горе от ума».

Весь этот дружеский кружок жил театральными интересами. В то время нормой поведения среди молодежи было гусарство, то есть лихость, граничащая с вызовом общественным нормам. Тип гусарского поведения воспроизвел Пушкин в образе Сильвио, героя повести «Выстрел», входящей в цикл «Повестей Белкина». Не был чужд гусарству и Грибоедов. Еще во время его службы в Брест-Литовске он с Бегичевым въехал на второй этаж дома, где проходил бал, верхом на лошади, а в другой раз проник в церковь католического монастыря до начала службы и пробрался наверх, где находился орган. Собрались монахи, началась служба. Органист то ли не пришел, то ли не осмелился прогнать русского офицера, состоящего адъютантом при генерале Кологривове, но только Грибоедов начал играть мелодии молитвенных песнопений. И неожиданно для всех вдруг сменил религиозную церковную музыку на «Камаринскую». Известный историк литературы Д. Смирнов приводит один любопытный рассказ, живо характеризующий тогдашние нравы и, в частности, непосредственный быт Грибоедова:

«В бытность Грибоедова в Москве в 1824 году, он сидел как-то в театре с известным композитором Алябьевым, и оба очень громко аплодировали и вызывали актеров. В партере и в райке зрители вторили им усердно, а некоторые стали шикать, и из всего этого вышел ужасный шум. Более всех обратили на себя внимание Грибоедов и Алябьев, сидевшие на виду у всех, а потому полиция сочла их виновниками происшествия. Когда в антракте они вышли в коридор, к ним подошел полицеймейстер Ровинский, в сопровождении квартального, и тут произошел между Ровинским и Грибоедовым следующий разговор:

«*Р.* Как ваша фамилия? — *Г.* А вам на что? — *Р.* Мне нужно это знать. — *Г.* Я Грибоедов. — *Р.* (квартальному). Кузьмин, запиши. — *Г.* Ну, а как ваша фамилия? — *Р.* Это что за вопрос? — *Г.* Я хочу знать, кто вы такой? — *Р.* Я полицеймейстер Ровинский. — *Г.* (Алябьеву). Алябьев, запиши...»

Но, конечно, не эти проказы и шалости составляли сущность театральных увлечений людей, принадлежавших кругу Грибоедова. Уже в конце 1814 Грибоедов делает первую драматургическую попытку: он пишет комедию «Молодые супруги». Эта пьеса не была еще полностью оригинальным художественным произведением. Грибоедов взял за основу популярную комедию французского драматурга Крезе де Лессера «Семейная тайна» и свободно переделал ее: из трех актов сделал один и упростил сюжет. 18 июня 1815 цензура дала разрешение на представление комедии, и 29 сентября в Петербурге состоялась ее премьера при участии известных актеров Е. Семеновой, И. Сосницкого, Я. Брянского. Менее чем через год комедия была представлена и в Москве.

V

9 июня 1817 года Грибоедов был зачислен на службу в Коллегию иностранных дел и вскоре познакомился с недавними выпускниками Лицея Пушкиным и Кюхельбекером.

С последним его будут связывать более чем теплые отношения.

Весь 1816 и начало 1817 у Грибоедова и его друзей наполнены литературными и театральными делами и интересами. С конца июля до начала августа Грибоедов в соавторстве с Катениным работает над комедией «Студент». Вновь осмеивается сентиментально-элегическое направление в русской литературе, которое в комедии представляет главный герой, провинциальный студент Беневоленский, приезжающий в Москву в дом знатного сановника Звездова и на каждом шагу попадающий впросак. Высокопарные речи Беневоленского представляют собой своеобразные перефразировки сентиментальных элегий, а его собственные стихи смотрятся как прямая пародия на знаменитое стихотворение Батюшкова «Мои пенаты»:

О Лары и Пенаты!
Вы пестуны мои!
Вы златом не богаты;
Но любите свои
Углы и темны кельи,
Где я на новосельи
Вас мирно тут и там
Расставил по местам.

В конце августа – начале сентября Грибоедов пишет несколько сцен для комедии Шаховского «Своя семья, или Замужняя невеста», впервые представленной на петербургской сцене 24 января 1818. В самом конце года совместно с Жандром Грибоедов переводит комедию французского драматурга Барта «Притворная неверность», премьера которой состоялась в Петербурге 11 февраля 1818. Даже план «Горя от ума» возник у него в это время, если верить словам С. Бегичева из его «Записки об А.С. Грибоедове». Вообще, 1818 был годом созревания драматургического дара Грибоедова, но 12 ноября 1817 произошло событие, перевернувшее течение жизни писателя.

VI

В дом Бегичева часто приезжал его сослуживец поручик Шереметев, светский молодой человек, «шалун и ветреник», по словам Бегичева. Шереметев был страстно влюблен в Истомину. Естественно, что у знаменитой балерины он был не единственным обожателем. Будучи человеком ревнивым, Шереметев часто ссорился с Истоминой, и однажды после очередной сцены ревности Шереметев уехал из дома, где он жил вместе со своей возлюбленной. В разгар этой ссоры Грибоедов пригласил Истомину на квартиру к своему приятелю Завадовскому, у которого он жил в то время, пить чай. Но Истомина, зная, что ревнивый Шереметев следит за ней и не желая лишний раз сердить его, сказала, что не поедет сразу после спектакля, а попросила Грибоедова ждать ее в карете возле Гостиного двора, где они и встретились. Но Шереметеву это стало известно. Взбешенный, он бросился к своему приятелю А. Якубовичу и попросил его помощи и совета. Якубович не сомневался в том, что Шереметев должен драться на дуэли, но неясно было только, кто должен стать его противником: Завадовский или Грибоедов. Но поскольку, по его мнению, оба были замешаны в это дело, то и стреляться надо с обоими. Он предложил Шереметеву устроить так называемую *une parité saïtee*, то есть дуэль четверых. Первыми должны были стреляться Шереметев и Завадовский. Барьер был установлен на расстоянии восемнадцати шагов, противники же могли сделать по шести шагов до выстрела. Когда противники стали сходитьсь, то Завадовский, который был отличным стрелком и хладнокровным человеком, шел тихо и спокойно. Его хладнокровие взбесило Шереметева, и он не сдержался и выстрелил, не дойдя до барьера. Пуля оторвала воротник сюртука Завадовского. Завадовский, видимо, не верил до конца, что поединок примет серьезный характер, но это разозлило его, и он потребовал Шереметева к барьеру. Соблюдая условия, Шереметев подошел, Завадовский выстрелил и ранил его в живот.

Шереметев упал и стал кататься по снегу. Присутствовавший на дуэли поручик лейб-гвардии гусарского полка П. Каверин, известный своими кутежами и бретерством, подошел к корчившемуся в конвульсиях на снегу Шереметеву и спросил: «Что, Вася, репка?» Якубович и Грибоедов отложили свои поединки до первой возможности, так как Якубович повез товарища домой.

Шереметев прожил после дуэли три дня. Его отец, зная буйный нрав своего сына, лично просил императора простить всех участников дуэли, что Александр и сделал. Только Якубович был отправлен на Кавказ. До своего отъезда он неоднократно говорил разным людям, что Грибоедову эта история не пройдет даром. И когда Грибоедов ехал в Персию, после назначения секретарем русской дипломатической миссии, то в Тифлисе, где он остановился по пути к месту назначения, его встретил Якубович и вызвал на дуэль. 23 октября 1818 дуэль состоялась. Якубович прострелил своему противнику ладонь левой руки около мизинца, так что Грибоедов вынужден был заказать себе особую аппликатуру, чтобы иметь возможность играть на фортепьяно.

VII

После истории с Шереметевым Грибоедов был назначен секретарем русской дипломатической миссии в Персии. В конце августа 1818 он выехал из Петербурга и отправился к месту нового служебного назначения. В дороге он вел записки, и начало было отмечено поэтическим настроением. Описание первого перехода начинается так: «Светлый день. Верхи снежных гор иногда просвечивают из-за туч; цвет их светло-облачный, перемешанный с лазурью. Быстрина Терека...» Самое пространное описание относится к шестому переходу, во время которого пришлось преодолевать перевал. Это чрезвычайно эмоциональное и живописное описание появилось за несколько лет до картин кавказской природы в поэме Пушкина «Кавказский пленник», за полтора десятка лет до описания Кавказа в повестях писателя-декабриста А. Бестужева, с которым впоследствии Грибоедова будут связывать дружеские отношения, и за два десятка лет до знаменитого описания переезда через перевал и спуск в Койшаурскую долину в романе М. Лермонтова «Герой нашего времени». Это вообще едва ли не первая картина Кавказа в русской литературе.

Грибоедов предполагал переработать свои путевые заметки для печати в виде писем к С. Бегичеву, однако замысел этот не осуществился.

В феврале–марте 1819 года Грибоедов совершает путешествие из Тифлиса в Тегеран через Тавриз. Ему предстоит решить труднейшую задачу: в Персии живут многие российские подданные, которые либо бежали туда от тягостей солдатской службы, либо были захвачены в плен. По договору, существовавшему между Россией и Персией, персидские власти обязаны были возвращать России как беглецов, так и пленных. Но персидские власти дорожили сарбазами — так называли в Персии солдат регулярного войска — и не торопились возвращать их на родину, так как они представляли собой наиболее боеспособные части. Как секретарь русской дипломатической миссии Грибоедов должен был способствовать их возвращению в Россию. Солдат, боящихся наказания за дезертирство, он пытался убедить, что на родине их не будут преследовать. Однако власти чинили ему всяческие препятствия, подкупая пленных, арестовывая их. Дело доходило до прямых угроз Грибоедову, содержащихся в подметных письмах. Бегичев был свидетелем, как Грибоедов беседовал с сарбазами, убеждая их вернуться домой. Те в ответ спрашивали его, ручается ли он за то, что они не будут наказаны. Грибоедов не мог обещать им прощения от своего лица, но обещал сделать все возможное, чтобы избавит их от наказания. Но и наказание за преступление, которое они совершили, считал он, очистит их совесть. На следующий же день у его дома собрались несколько десятков сарбазов, которые решили вернуться в Грузию. Несмотря на препятствия, которые пытались чинить ему персидские власти, Грибоедов добился желаемого и 4 сентября 1819 выступил в Грузию, ведя с собой 158 человек. 3 октября он привел всех в Тифлис, потеряв по дороге

нескольких заболевших и сбежавших. Обо всех злоключениях пути он писал в донесениях поверенному в российских делах в Персии С. Мазаровичу.

19 февраля 1822 Грибоедов был назначен чиновником «по дипломатической части» при генерале А. Ермолове. Боевой генерал, герой войны 1812 года, Алексей Петрович Ермолов с 1817 служил на Кавказе в должности главноначальствующего в Грузии и командира Отдельного Кавказского корпуса. Он был практически самовластным хозяином всего закавказского края и при этом пользовался авторитетом в кругах либерально настроенной молодежи, и поэтому был заподозрен Николаем I в связях с декабристами. Именно при Ермолове в Тифлисе с декабря 1821 по май 1822 служил Вильгельм Кюхельбекер. Тогда с ним особенно тесно сошелся и подружился Грибоедов. Впечатлительность и импульсивность характера Кюхельбекера были причиной многих неприятностей. Однажды он поссорился с Николаем Николаевичем Похвисневым, чиновником, состоящим в штате Ермолова. Ссора произошла в доме генерала, но Похвиснев отказывался выйти на поединок с Кюхельбекером. Тогда Вильгельм дал ему две пощечины. Происшествие это очень рассердило Ермолова, и он сказал, что непременно отправит Кюхельбекера в Россию, но между тем сам настоял на поединке. 20 апреля дуэль состоялась, но окончилась бескровно, так как Кюхельбекер промахнулся, а у Похвиснева пистолет дал осечку. В самой ссоре недоброжелатели обвиняли Грибоедова, по советам которого якобы и делал все Кюхельбекер. В результате 5 мая 1822 Кюхельбекер был выслан из Грузии и долгое время никак не мог поступить на службу.

Почти пять лет жил Грибоедов далеко от Петербурга и Москвы, ездил с официальными миссиями по Персии и Кавказу, мечтая при этом о тихой затворнической жизни, посвященной литературному творчеству. Еще в феврале 1819, во время своей первой миссии в Персию, он признавался Бегичеву:

«Нет! я не путешественник! Судьба, нужда, необходимость может меня со временем преобразить в исправники, в таможенные смотрители; она рукою железною закинула меня сюда и гонит далее, но по доброй воле, из одного любопытства, никогда бы я не расстался с домашними пенатами, чтобы блуждать в варварской земле в самое злое время года».

А вместе с тем именно в эти годы начал созревать замысел его главного произведения, комедии «Горе от ума». Правда, точное время начала работы над комедией нам неизвестно, но хорошо осведомленный обо всех творческих замыслах Грибоедова С. Бегичев писал:

«...Известно мне, что план этой комедии был сделан у него еще в Петербурге 1816 года, и даже написаны были несколько сцен; но не знаю, в Персии или в Грузии, Грибоедов во многом изменил его и уничтожил некоторые действующие лица, а между прочим жену Фамусова, сентиментальную модницу и аристократку московскую (тогда еще поддельная чувствительность была несколько в ходу у московских дам), и вместе с этим выкинуты и написанные уже сцены».

Булгарин вспоминал:

«Будучи в Персии в 1821 году, Грибоедов мечтал о Петербурге, о Москве, о своих друзьях, родных, знакомых, о театре, который любил страстно, и об артистах. Он лег спать в киоске, в саду, и видел сон, представивший ему любезное отечество, со всем, что осталось в ней милого для сердца. Ему снилось, что он в кругу друзей рассказывает о плане комедии, будто им написанной, и даже читает некоторые места из оной. Пробудившись, Грибоедов берет карандаш, бежит в сад и в ту же ночь начертывает план “Горя от ума” и сочиняет несколько сцен первого акта».

Письмо Грибоедова, написанное им 17 ноября 1820 в Тавризе, подтверждает сведения, приводимые Булгариным:

«Вхожу в дом, в нем праздничный вечер; я в этом доме не бывал прежде. Хозяин и хозяйка, Поль с женою, меня принимают в двери. Пробегаю первый зал и еще несколько других. Везде освещение; то тесно между людьми, то просторно. Попадаются многие лица, одно как будто моего дяди, другие тоже знакомые; дохожу до последней комнаты, толпа народу, кто за ужином, кто за разговором; вы там же сидели в углу, наклонившись к кому-то, шептали, и ваша возле вас. Необыкновенно приятное чувство и не новое, а по воспоминанию мелькнуло во мне, я повернулся и еще куда-то пошел, где-то был, воротился; вы из той же комнаты выходите ко мне навстречу. Первое ваше слово: вы ли это, А.С.? как переменились!»

Узнать нельзя. Пойдемте со мною; увлекли далеко от посторонних в уединенную, длинную, боковую комнату, к широкому окошку, головой приклонились к моей щеке, щека у меня разгорелась, и подивитесь! вам труда стоило, нагибались, чтобы коснуться моего лица, а я, кажется, всегда был выше вас гораздо. Но во сне величины искажаются, а все это сон, не забудьте.

Тут вы долго ко мне приставали с вопросами, написал ли я что-нибудь для вас? — Вынудили у меня признание, что я давно отшатнулся, отложился от всякого письма, охоты нет, ума нет — вы досадовали. — Дайте мне обещание, что напишете. — Что же вам угодно? — Сами знаете. — Когда же должно быть готово? — Через год непременно. — Обязываюсь. — Через год, клятву дайте... И я дал ее с трепетом. В эту минуту малорослый человек, в близком от нас расстоянии, но которого я, давно слепой, не довидел, вятно произнес эти слова: лень губит всякий талант... А вы, обернясь к человеку: посмотрите, кто здесь?.. Он поднял голову, ахнул, с визгом бросился ко мне на шею... дружески меня душит... Катенин!.. Я пробудился.

Хотелось опять позабыться тем же приятным сном. Не мог. Встав, вышел освежиться. Чудное небо! Нигде звезды не светят так ярко, как в этой скучной Персии! Муэдзин с высоты минара звонким голосом возвещал ранний час молитвы (ч. пополуночи), ему вторили со всех мечетей, наконец ветер подул сильнее, ночная стужа развеяла мое беспамьятство, затеплил свечку в моей хранине, сажусь писать, и живо помню мое обещание; во сне дано, наяву исполнится».

До сих пор неизвестно, кому адресовано это письмо. Самым вероятным его адресатом специалисты считают князя А. Шаховского. Одно становится ясно со всей несомненностью: сочинение комедии началось на Кавказе, в Тифлисе, где в то же время находился Кюхельбекер, которому Грибоедов читал все написанные сцены. Но дипломатические обязанности не давали писателю возможности сосредоточиться исключительно на творчестве. Только за лето и осень 1822 Грибоедов трижды совершал поездки по Кавказу по делам службы. Но вот наконец 5 марта 1823 он получил длительный отпуск, о котором давно хлопотал, и отправился в Москву.

В конце марта приехал он в Москву и до середины лета жил там. В это время он возобновляет знакомство с Вяземским. Князь Петр Андреевич Вяземский был поэтом и критиком. В 1812 вступил в московское ополчение и состоял при генерале Милорадовиче; участвовал в Бородинском сражении, причем вынес с поля боя своего раненого командира. После войны Вяземский, как и многие молодые дворянские интеллигенты того времени, пропитался духом либерализма, мечтал о конституционном правлении в России и даже принял участие в составлении записки об освобождении крестьян, поданной государю небольшим кружком либеральных деятелей (князь Меншиков, граф Воронцов и др.). Неудивительно, что молодой либерал попал под надзор полиции. Поселясь в Москве, Вяземский всецело посвятил себя литературе. Впоследствии Вяземский изменит либеральным идеалам молодости, но в пору их новой встречи с Грибоедовым он был еще полон сил и душевной энергии.

Несмотря на принадлежность к противоположным литературным группировкам, Грибоедов и Вяземский напишут вместе водевиль «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом».

Однако сильнее всего Грибоедова влекла к себе комедия «Горе от ума», которой уже были написаны два действия. Кому, как не Бегичеву, было прочитать написанное, и Грибоедов читает другу созданные действия. Бегичев высказал несколько замечаний, и ему показалось, что Грибоедов встретил их недружелюбно. Приехав к драматургу на следующий день, Бегичев застал его только что вставшим с постели, «он, не одетый, сидел против растопленной печи и бросал в огонь свой первый акт лист по листу. Я закричал: “Послушай, что ты делаешь?!” — “Я обдумал, — отвечал он, — ты вчера говорил мне правду, но не беспокойся: все уже готово в голове моей”. И через неделю первый акт уже был написан».

В апреле 1823 Бегичев женился. Грибоедов был шафером на его свадьбе. В церкви во время венчания он стоял рядом с женихом и так перетолковывал все слова речи священника, что Бегичев едва удерживался от смеха.

Грибоедов пустился в большой московский свет, бывал на всех балах, праздниках, пикниках, так что Бегичев даже заволновался, но друг успокоил его словами, что время

его не пропадет. Вскоре Бегичев уехал на лето в свою деревню в Тульскую губернию, а следом за ним туда же приехал и Грибоедов. Там, в саду имения Бегичева были написаны последние акты «Горя от ума». Грибоедов вставал на рассвете, к обществу выходил только к обеду, а после обеда почти сразу же уходил и приходил только к чаю, принося написанные сцены и читая их в течение вечера домочадцам. Все с нетерпением ожидали этих его приходов.

20 сентября Бегичев вместе с Грибоедовым вернулся в Москву. В Москве Грибоедов поселяется в доме своего друга, по вечерам они много беседуют, и Александр Сергеевич делится с другом своими творческими замыслами, в частности, рассказывает о плане написания к открытию в Москве нового театра стихотворного пролога под названием «Юность вещего», в котором должен был действовать отрок Ломоносов, который на берегу Белого моря видит вещий сон, в котором предстает его будущность. В ноябре и декабре он вместе с Вяземским сочиняет веселый водевиль «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом», который Вяземскому заказал тогдашний директор московского театра Ф. Кокошкин, находившийся с ним в приятельских отношениях. Пьеса была нужна для бенефиса известной актрисы Львовой-Синецкой. Вяземский, не будучи по призванию и характеру дарования драматургом, взялся писать куплеты, а весь текст предложил писать Грибоедову, чья слава автора блистательной комедии уже была во всей силе. Музыка к этой очаровательной и легкой комедии сочинил композитор А. Верстовский. Эта, как выразился Вяземский, «водевильная стряпня» пришлось по вкусу Кокошкину и Львовой-Синецкой, и премьера состоялась 24 января 1825, но публика приняла водевиль довольно прохладно.

1 июня 1824 года Грибоедов уезжает из Москвы в Петербург. Там знакомится он с Н. Карамзиным, И. Крыловым, встречается с Н. Гнедичем, с которым несколько лет назад полемизировал по поводу сравнительных достоинств переложений баллады Бюргера «Ленора», сделанных Жуковским и Катениным. Но Катенина в Петербурге уже нет: он сослан в родовое имение за «непозволительное» поведение в театре, зато есть в столице другие молодые вольнодумцы, с которыми Грибоедов близко знакомится: А. Бестужев и К. Рылеев. Через полтора года оба окажутся на Сенатской площади.

Эти, а также некоторые другие знакомства в конце концов приведут к аресту и Грибоедова в 1826.

А пока в 1824 в Петербурге Грибоедов дорабатывает комедию. Он пишет в Москву Бегичеву:

«Кстати, прошу тебя моего манускрипта никому не читать и предать его огню, коли решишься: он так несовершенен, так нечист; представь себе, что с лишком восемьдесят стихов, или лучше сказать, рифм переменял, теперь гладко, как стекло. Кроме того, на дороге мне пришло в голову приделать новую развязку; я ее вставил между сценою Чацкого, когда он увидел свою негодяйку со свечою над лестницею, и перед тем как ему обличить ее; живая, быстрая вещь, стихи искрами посыпались, в самый день моего приезда...» (Рукопись, оставленная Грибоедовым Бегичеву, уцелела и в настоящее время хранится в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея в Москве.)

Грибоедов читает комедию в многочисленных литературных и светских салонах. Из того же письма к Бегичеву, с которым Грибоедов привык делиться самыми душевными переживаниями:

«...Читал я ее Крылову, Жандру, Хмельницкому, Шаховскому, Гречу и Булгарину, Колосовой, Каратыгину, дай счесть — 8 чтений. Нет, обчелся, — двенадцать; третьего дня был обед у Столыпина, и опять чтение, и еще слово дал на три в разных закоулках. Грому, шуму, восхищению, любопытству конца нет. Шаховской решительно признает себя побежденным (на этот раз)».

В процессе чтений комедии Грибоедов постоянно совершенствует текст произведения, устраняя погрешности стиля, меняя выражения и обороты.

О дальнейшей судьбе рукописи «Горя от ума» сохранился рассказ одного из друзей Грибоедова А. Жандра:

«Когда Грибоедов приехал в Петербург и в уме своем переделал свою комедию, он написал такие ужасные брульоны¹, что разобраться было невозможно. Видя, что гениальнейшее создание чуть не гибнет, я у него выпросил его полулисты. Он их отдал с совершенною беспечностью. У меня была под руками целая канцелярия; она списала “Горе от ума” и обогатилась, потому что требовали множество списков. Главный список, поправленный рукою самого Грибоедова, находится у меня».

Слухи о комедии распространяются и достигают театрального училища, в котором учителем драматического искусства был в свое время А. Шаховской, а режиссером в домашнем театре училища был закончивший его в 1823 известный комический актер и автор водевилей П. Каратыгин. Он вместе с актером Григорьевым попросил у Грибоедова разрешения поставить «Горе от ума» на сцене театрального училища. Грибоедов был в восторге от этого предложения. Воспитанникам училища не без труда удалось уговорить инспектора училища И. Бока разрешить им эту постановку. В несколько дней участники будущего спектакля расписали роли, за неделю выучили их и приступили к постановке. Грибоедов сам приезжал к ним на репетиции и учил их, как следует понимать ту или иную роль. На одну из таких репетиций он привел Бестужева и Кюхельбекера, которые были в восторге от игры участников предстоящего спектакля. Постановка была совсем уже готова, на следующий день был назначен спектакль, но все старания пропали даром.

П. Каратыгин оставил воспоминания о том, как накануне представления, во время последней репетиции явился инспектор Бок и объявил «грозный фирман графа Милорадовича (который имел тогда главное начальство над императорскими театрами и которому кто-то донес о наших затеях), чтобы мы не смели так либеральничать и что пьесу, не одобренную цензурой, нельзя позволить играть в театральном училище. <...>

Мы с Григорьевым отправились тотчас же к Грибоедову с этим роковым известием, что, конечно, его сильно огорчило.

Итак, поэту не суждено было видеть на сцене (даже и в таком горемычном исполнении, как наше) своей бессмертной комедии».

Действительно, Грибоедов ждал спектакля, который был назначен на 18 мая. Он писал утром того дня Бегичеву:

«Нынешний вечер играют в школе, приватно, без позволения цензуры, мою комедию. Я весь день, вероятно, проведу у Мордвиновых, а часов в девять явлюсь посмотреть на мое чудо, как его коверкать станут».

В то же время Булгарин хлопочет о цензурном разрешении опубликовать «Горе от ума», но и напечатанной Грибоедову не суждено будет увидеть свою комедию. Булгарин добивается лишь того, что ему разрешают поместить в альманахе «Русская Талия» на 1825 год первые два явления первого действия и практически целиком третье действие, и то в искаженном цензурой виде.

После разговора с чиновником III отделения М. фон Фоком, который не оставил у Грибоедова надежд увидеть свою комедию на сцене и напечатанной целиком, он решается на то, чтобы начать распространять ее в списках. На квартире А. Одоевского в течение нескольких вечеров работала своеобразная артель по переписке комедии под общую диктовку, организованная будущими декабристами, которые сразу же стали использовать комедию в целях революционной агитации.

Страсти подогревали и объявления в печати о выходе альманаха «Русская Талия» с отрывками из комедии. В начале ноября 1824 журнал «Сын отечества» напечатал объявление о скором выходе в свет альманаха с отрывками из комедии в стихах «Горе от ума». Через месяц после этого газета «С.-Петербургские ведомости» сообщила:

«Декабря 15 вышел в свет первый в России драматический альманах под заглавием “Русская Талия”, подарок любителям и любительницам отечественного театра на 1825 год».

Очередной номер журнала «Сын отечества» объявил после выхода альманаха, что он

---

¹ От франц. *brouillon* — черновик

«продается у входа в театр и во всех книжных лавках по 12 рублей». Здесь же сообщалось читателям, что «...венец всего собрания (то есть альманаха) есть акт и несколько сцен из новой комедии «Горе от ума», сочиненной Грибоедовым. Комедия широко распространяется в списках. Булгаринская газета «Северная пчела» сообщает:

«Один из наших знакомых, проехав Россию несколько раз вдоль и поперек с тех пор, как сия комедия пошла по рукам в рукописи, уверял нас, что в России находится более сорока тысяч списков сего единственного произведения».

Безусловно, что это явное преувеличение, но то, что комедия стала одним из актуальнейших факторов общественной жизни, свидетельствуют факты: 11 января И. Пущин всего на один день приезжает в Михайловское, чтобы навестить находящегося там в ссылке Пушкина и привозит ему список «Горя от ума». Пущин читает комедию вслух, он даже не может оставить ее Пушкину. Пушкин составляет свое мнение о комедии и пишет Александру Бестужеву:

«Драматического писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным. Следственно, не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличий комедии Грибоедова. Цель его — характеры и резкая критика нравов. В этом отношении Фамусов и Скалозуб превосходны. Софья начертана неясно... Молчалин не довольно резко подл; не нужно ли было сделать из него и труса? старая пружина, но статский трус в большом свете между Чацким и Скалозубом мог бы быть очень забавен. Les propos de bal¹, сплетни, рассказ Репетилова о клобе, Загорецкий, всеми отъявленный и везде принятый, — вот черты истинно комического гения. — Теперь вопрос. В комедии «Горе от ума» кто умное действующее лицо? ответ: Грибоедов. А знаешь ли, что такое Чацкий? Пылкий, благородный и добрый малый, проведенный несколько времени с очень умным человеком (именно с Грибоедовым) и напитавшийся его мыслями, остроумиями и сатирическими замечаниями. Все, что говорит он, очень умно. Но кому говорит он все это? Фамусову? Скалозубу? На бале московским бабушкам? Молчалину? Это непροститительно. Первый признак умного человека — с первого взгляду знать, с кем имеешь дело, и не метать бисера перед Репетилевыми и тому под. Кстати, что такое Репетилев? в нем 2, 3, 10 характеров. Зачем делать его гадким? довольно, что он ветрен и глуп с таким простодушием; довольно, чтоб он признавался поминутно в своей глупости, а не мерзостях. Это смирение чрезвычайно ново на театре, хоть кому из нас не случилось *конфузиться*, слушая ему подобных кающихся? — Между мастерскими чертами этой прелестной комедии — недоверчивость Чацкого в любви Софии к Молчалину прелестна! — и как натурально! Вот на чем должна была вертеться вся комедия, но Грибоедов видно не захотел — его воля. О стихах я не говорю: половина — должны войти в пословицу.

Покажи это Грибоедову. Может быть, я в ином ошибся. Слушая его комедию, я не критиковал, а наслаждался. Эти замечания пришли мне в голову после, когда уже не мог я справиться. По крайней мере говорю прямо, без обиняков, как истинному таланту. (*Конец января 1825 г. Из Михайловского в Петербург*)».

Примерно в эти же дни доходит комедия и до другого опального поэта — П. Катенина; он пишет письмо Грибоедову, в котором излагает свое мнение по поводу «Горя от ума». Письмо Катенина до наших дней не сохранилось, зато уцелел ответ Грибоедова, датирующийся январем–февралем 1825 года, написанный с необыкновенным душевным теплом и дружеским чувством и позволяющий получить наглядные представления о творческих принципах драматурга:

«Умнейший, любезнейший Павел Александрович! Вчера я получил твое письмо, и знаешь ли, какое оно действие произвело на меня? Я заперся на целый день, и у огонька моей печки полсутки провел с тобою, почтенный друг. Прежние года с такою полнотою оживились в моей памяти! Давно я не проводил времени так уединенно и, между тем, так приятно!.. Критика твоя, хотя жестокая и вовсе несправедливая, принесла мне истинное удовольствие тоном чистосердечия, которого я напрасно буду требовать от других людей; не уважая искренности их, негодуя на притворство, черт ли мне в их мнении? Ты находишь главную погрешность в плане: мне кажется, что он прост и ясен по цели и исполнению; девушка сама не глупая предпочитает дурака умному человеку (не пото му, чтобы ум у нас грешных был обыкновенен, нет! и в моей комедии 25 глупцов на одного здравомыслящего человека); и этот человек разумеется в противуречии с обществом, его окружающим, его никто не понимает, никто простить не хочет, зачем он немножко повыше прочих, сначала он весел, и это порок: “Шутить и век шутить, как вас на это станет!” Слегка перебирает странности прежних знакомых, что же делать, коли нет в них благороднейшей заметной черты!

¹ Бальная болтовня (*франц.*).

Его насмешки неязвительны, покуда его не взбесить, но все-таки: “Не человек! змея!”, а после, когда вмешивается личность, “наших затронули”, предается анафеме: “Унизить рад, кольнуть, завистлив! горд и зол!” Не терпит подлости: “ах! Боже мой, он карбонарий”. Кто-то со злости выдумал об нем, что он сумасшедший, никто не поверил, и все повторяют, голос общего недоброхотства и до него доходит, притом и нелюбовь к нему той девушки, для которой единственно он явился в Москву, ему совершенно объясняется, он ей и всем наплевал в глаза и был таков. Ферзь тоже разочарована насчет своего сахара медовича. Что же может быть полнее этого? “Сцены связаны произвольно”. Так же, как в природе всяких событий, мелких и важных: чем внезапнее, тем более завлекает в любопытство. Пишу для подобных себе, а я, когда по первой сцене угадываю десятую: раззеваюсь и вон бегу из театра. “Характеры портретны”. Да! и я, коли не имею таланта Мольера, то по крайней мере чистосердечнее его; портреты и только портреты входят в состав комедии и трагедии, в них, однако, есть черты, свойственные многим другим лицам, а иные — всему роду человеческому настолько, насколько каждый человек похож на своих двуногих собратий. Карикатур ненавижу, в моей картине ни одной не найдешь. Вот моя поэтика; ты волен просветить меня, и коли лучше что выдумаешь, я позаимую от тебя с благодарностью. Вообще я ни перед кем не таился и сколько раз повторяю (свидетельствуюсь Жандром, Шаховским, Гречем, Булгариным etc., etc.), что тебе обязан зрелостью, объемом и даже оригинальностью моего дарования, если оно есть во мне. Одно прибавлю о характерах Мольера: Мещанин во дворянстве, Мнимый больной — портреты, и превосходные; Скупец — антропос собственной фабрики, и несносен.

“Дарования больше, нежели искусства”. Самая лестная похвала, которую ты мог мне сказать, не знаю, стою ли ее? Искусство в том только и состоит, чтоб поддельваться под дарование, а в ком более вытверженного, приобретенного потом и сидением, искусства угождать теоретикам, т. е. делать глупости, в ком, говорю я, более способности удовлетворять школьным требованиям, условиям, привычкам, бабушкиным преданиям, нежели собственной творческой силы, — тот, если художник, разбей свою палитру и кисть, резец или перо свое брось за окошко; знаю, что всякое ремесло имеет свои хитрости, но чем их менее, тем спoree дело, и не лучше ли вовсе без хитростей? *pugae difficilis*¹. Я как живу, так и пишу свободно и свободно».

Отпуск Грибоедова заканчивался. Бегичев ожидал, что, возвращаясь на Кавказ к месту службы, Грибоедов проедет через Москву и навестит его, но Грибоедов избирает путь через Киев. В конце мая Грибоедов приезжает в Киев, где знакомится с южными декабристами: С. Муравьевым-Апостолом, М. Бестужевым-Рюминым, С. Трубецким. Пробыв в Киеве около месяца, Грибоедов уезжает в Крым, по которому путешествует с 18 июня по 15 сентября, а оттуда через Феодосию, Керчь и Тамань едет на Кавказ вдоль Кубани по Кавказской линии до Горячих Вод. 27 октября Грибоедов приезжает в станицу Екатериноградскую. Туда же вскоре приезжает и генерал Ермолов для встречи с начальником штаба генералом А. Вельяминовым и начальником Имеретии князем Д. Горчаковым.

VIII

Между тем в Таганроге 19 ноября 1825 скончался император Александр I. Неофициально об этом генерал Ермолов узнал через три дня, но официальное сообщение в ту эпоху, когда главным средством связи была фельдъегерская почта, до Отдельного кавказского корпуса шло долго, и только через две недели, 8 декабря, его привез Ермолову в станицу Екатериноградскую, где размещался штаб корпуса, фельдъегерь Экунин вместе с сенатским указом о присяге новому императору, Константину Павловичу. Вместе с правительственными известиями он привез Грибоедову письмо от П. Каратыгина. Видимо, в письме театрального приятеля были известия не только о театральных событиях, потому что Грибоедов начал о чем-то догадываться. В тот же день в станичной церкви была принесена присяга офицерами корпуса, а на площади были приведены к присяге казаки и рота кабардинского полка, стоявшего в это время в станице. Однако в те дни, когда в станице проходили торжественные церемонии, в Петербурге произошло восстание 14 декабря, о котором никто здесь даже не догадывался, а Грибоедов чувствовал это каким-то особым писательским чутьем, а может быть, и как человек, причастный к планам декабристов. Офицеры и чиновники, служащие при генерале

¹ Замысловатые пустяки (*лат.*).

Ермолове, занимались обычными повседневными делами и развлечениями. Каждый день собирались они в доме Александра Александровича Вельяминова, обедали, играли в карты. Грибоедов после обеда читал офицерам по несколько явлений из «Горя от ума». В связи с церемониями, вызванными известием о смерти царя и принятием присяги, поход в Чечню, в котором с разрешения Ермолова должен был принять участие Грибоедов, откладывался. Грибоедов писал 12 декабря А. Жандру и его жене:

«Смерть государя причиною, что мы здесь запраздновали, и ни с места. Мне уже тошно становится, никакого толку. ...Прощайте, милые мои бесценные существа. Какое у вас движение в Петербурге!! — А здесь...»

По делам службы Грибоедову должно было отправляться в Тифлис, однако он упрямил генерала Ермолова разрешить ему принять участие в готовящемся походе на Чечню и, получив согласие, вместе с Ермоловым и его офицерами 22 декабря выехал в станицу Червленную. 25 декабря все офицеры собрались возле дома Ермолова, который находился на углу улицы, ведущей к дороге на север, в Россию. Было прекрасное утро, собравшиеся толковали о предстоящем походе, как вдруг увидели быстро мчавшуюся по дороге прямо к квартире генерала тройку. Это была курьерская тройка, в которой сидел фельдъегерь Дамиш, привезший известие о вступлении на престол императора Николая I. Генерал Ермолов тут же отдал распоряжения об организации церемонии новой присяги, но за священником пришлось посылать в ближайший город — Кизляр. Священник приехал только на третий день. Пока шли эти приготовления, Дамиш рассказал о восстании на Сенатской площади. Слушая его, Грибоедов произнес: «Вот теперь в Петербурге идет кутерьма! Чем-то кончится!»

В тот же день, когда Грибоедов пишет письмо Жандру и его жене, в Петербург прибывает послание из Варшавы от Константина, который отказывался от престола и передавал все права на него своему младшему брату Николаю Павловичу. Одновременно Николай получил донос от поручика Якова Ростовцева, адъютанта начальника гвардейской пехоты генерала Бистрома, в котором сообщалось, что против наследника существует заговор, который грозит обернуться восстанием в день принятия новой присяги. Яков Ростовцев информировал Николая, что заговорщики решили поднять восстание 14 декабря. Среди разоблачений Ростовцева были и слова о том, что некоторые области России, в том числе и Грузия, намерены отделиться от метрополии. Последнее сообщение особенно сильно встревожило Николая, ведь практически полновластным хозяином всего Кавказа был генерал Ермолов, человек замечательный во всех отношениях и могущий быть опасным для нового царя.

Несмотря на опасения нового императора, войска присягнули спокойно, но вернувшийся фельдъегерь доложил ему, что произошло это с двухдневной задержкой. Это показалось подозрительным. В Петербурге было невдомек, что эта задержка была вызвана не кознями и коварными замыслами Ермолова, а тем, что два дня пришлось ждать священника. В вину Ермолову было вменено и то, что сообщение о новой присяге он отправил с тем же курьером, а не со специальным офицером, как предписывали правила.

28 декабря отряд, в котором находился Грибоедов, выступил из Червленной. Через несколько часов подошел он к Горячеводскому укреплению, где расположились на привал. В это время дежурный штаб-офицер капитан Талызин увидел на переправе у Терека тройку, запряженную в сани, окруженную 20 или 30 казаками. Он указал на нее остальным и высказал предположение, что это скачет фельдъегерь. Так оно и оказалось. Через полчаса тройка приблизилась, и из нее выскочил фельдъегерь, назвавшийся Уклонским. Отряд отправился в крепость Грозную, и всех томило какое-то странное предчувствие. Фельдъегерь вместе с несколькими офицерами на рысях поскакал к дому коменданта Грозной. Ермолов приказал немедленно провести курьера к нему, и Уклонский отдал ему тонкий конверт от начальника Главного штаба Дибича. В конверте находилось Отношение военного министра от 2 января 1826 следующего содержания:

«По воле Государя императора покорнейше прошу Ваше высокопревосходительство приказать немедленно взять под арест служащего при вас чиновника Грибоедова со всеми принадлежащими ему бумагами, употребив осторожность, чтобы он не имел времени к истреблению их, и прислать как оные, так и его самого под благонадежным присмотром в Петербург прямо к Его Императорскому Величеству».

Хотя документ был невелик и Ермолов прочитал его очень быстро, но капитан Талызин, зайдя сзади, успел разглядеть в нем фамилию Грибоедова. Генерал Ермолов начал расспрашивать Уклонского о петербургских событиях. Услышав его рассказ, Грибоедов сильно побледнел. Между тем Ермолов сумел тайком отдать распоряжение Талызину, чтобы тот приказал как можно скорее пригнать арбу с вещами и бумагами Грибоедова в крепость, что и было незамедлительно исполнено. После этого Грибоедов незаметно вышел из комнаты и скоро возвратился совершенно спокойный. В Петербурге уже полным ходом шло следствие по делу декабристов, и имя Грибоедова несколько раз прозвучало в ответах участников восстания. Это и послужило непосредственной причиной распоряжения о его аресте.

Вечером на квартиру, где вместе с другими офицерами остановился Грибоедов, пришли дежурный по отряду полковник Мищенко, капитан Талызин и фельдъегерь Уклонский. Мищенко обратился к Грибоедову: «Александр Сергеевич, воля Государя императора, чтобы вас арестовать. Где ваши вещи и бумаги?» Грибоедов спокойно показал на переметные чемоданы, которые стояли в изголовье его постели, устроенной ввиду походных условий прямо на полу. Чемоданы немедленно открыли и стали перебирать все вещи, но кроме белья и платья ничего предосудительного там не было. Наконец на дне одного из чемоданов нашли толстую тетрадь, это была рукопись комедии «Горе от ума». Больше ничего среди вещей Грибоедова не нашли. Все бумаги, в которых могли содержаться какие-либо улики, Грибоедов благодаря генералу Ермолову успел уничтожить. Чемоданы уложили и опечатали, а Грибоедова полковник Мищенко пригласил пожаловать за ним. Его перевели в другой дом, в котором у каждого окна и у двери поставили часовых.

Наутро 23 января офицеры проводили Грибоедова, который на прощание сказал им: «Пожалуйста, не сокрушайтесь, я скоро с вами увижусь». Такое спокойствие Грибоедова, несомненно, объяснялось тем, что никаких компрометирующих его материалов уже не было. Сокрушаться можем теперь только мы, потерявши бесценные документы, которые могли бы пролить свет на многие обстоятельства жизни великого человека, которые и теперь еще вызывают споры специалистов.

Отправляя арестованного Грибоедова в Петербург, Ермолов вручил фельдъегерю письмо к начальнику Главного штаба Дибичу следующего содержания:

«Господин военный министр сообщил мне высочайшую государя императора волю взять под арест служащего при мне коллежского асессора Грибоедова и под присмотром прислать в Петербург прямо к его императорскому величеству. Исполнив сие, я имею честь препроводить господина Грибоедова к Вашему превосходительству. Он взят таким образом, что не мог истребить находившихся у него бумаг, но таковых при нем не найдено, кроме весьма немногих, кои при сем препровождаются. Если же бы впоследствии могли быть отысканы оные, я все таковые доставлю. В заключение имею честь сообщить Вашему превосходительству, что господин Грибоедов во время служения его в миссии нашей при персидском дворе и потом при мне как в нравственности своей, так и в правилах не был замечен развратным и имеет многие хорошие весьма качества».

Как узнать теперь, не заботился ли Ермолов, давая Грибоедову возможность уничтожить улики, и о себе: ведь среди бумаг писателя могли быть документы, компрометирующие в глазах властей и самого генерала.

IX

Еще в тот день, когда Грибоедов присягал Николаю I, в Петербурге проходило очередное, девятое заседание Следственного комитета по делу о тайных обществах, на котором Комитет постановил арестовать нескольких новых лиц, «оказывающихся по показаниям соучастниками в обществе мятежников, и представить императорскому

величеству». В число этих лиц попал и «служащий у генерала Ермолова» Грибоедов. В конце декабря Николай отправил миссию к персидскому двору во главе с князем А. Меншиковым и отдал ему особое предписание собрать сведения о действиях Ермолова и узнать о Грибоедове. Это поручение объяснялось тем, что еще 23 декабря арестованный к тому времени князь Трубецкой на вопрос Следственного комитета: «Не существуют ли подобные общества в отдельных корпусах и в военных поселениях и не известны ли вам их члены?» — ответил: «Генерал-майор Волконский говорил мне, что есть или должно быть, по его предположению, какое-то общество в Грузинском корпусе, что он об этом узнал на Кавказе, но неудовлетворительно о том говорил и, кажется, располагал на одних догадках. Я знаю только из слов Рылеева, что он принял в члены Грибоедова, который состоит при генерале Ермолове».

Николаю помимо этого многое внушало подозрения насчет Ермолова и Грибоедова: шли упорные слухи о тайном обществе в Отдельном кавказском корпусе. А это было страшно, так как император знал его военную мощь и боеспособность. Правда, слухи эти, как выяснилось, распространял Якубович, сосланный на Кавказ еще в конце 1818 за участие в дуэли Шереметева с Завадовским, а Якубович не производил впечатления серьезного человека и не подходил на роль связного между Петербургом и Кавказом, если таковая связь в действительности существовала. Но Николаю необходимо было проверить все версии. Ему казалось неслучайным, что в это время в Петербурге находился в отпуске адъютант Ермолова штабс-капитан Московского полка, принявшего участие в восстании, Н. Воейков. Правда, сам Воейков участия в событиях не принимал, но проверить было необходимо. Штабс-капитана арестовали, но вскоре освободили, так как никаких улик против него не было, а сам он ничего о тайных обществах не знал. Показания Трубецкого укрепили подозрения императора о существовании заговора и на Кавказе, и 24 декабря о том же допросили названного Трубецким Рылеева. Рылеев сообщил: «Грибоедова я не принимал в общество: я испытал его; но, нашед, что он не верит преобразовать правительство, оставил его в покое. Если он принадлежит обществу, то мог его принять князь Одоевский, с которым он жил, или кто-нибудь на юге, когда он там был».

Улик явно недоставало, но это не помешало тому, чтобы Следственный комитет 26 декабря постановил арестовать Грибоедова. Фельдъегерь Уклонский был на пути к Кавказу, когда Следственный комитет получил новые сведения о причастности Грибоедова к заговору. На сей раз показания дал князь Оболенский. До этого Оболенский держался стойко и никаких имен не называл, но 21 января ему передали письмо от отца, который был тяжело болен. Отец умолял сына быть откровенным и во всем признаться, «уповая на великодушие государя». В отчаянии и опасении за здоровье и даже жизнь отца Оболенский назвал нескольких участников заговора, и в том числе Грибоедова, пояснив, «что Грибоедов был принят в члены Общества месяца два или три пред 14-м декабря, а вскоре потом уехал; почему действий его в Обществе совершенно не было».

Еще Грибоедов не выехал из станицы Екатериноградской, а следствие уже получило признание полковника Артамона Муравьева, с которым Грибоедов познакомился в Киеве в мае 1825. Муравьев утверждал, что, будучи в Киеве, Грибоедов встречался с Сергеем Муравьевым-Апостолом и Михаилом Бестужевым-Рюминым. Это сообщение особенно настораживало: ведь само путешествие из Петербурга на Кавказ с посещением центра южных заговорщиков и встреч с ними считалось весьма подозрительным и наводило на мысль, что Грибоедов использовался в качестве связного между тайными обществами. Артамон Муравьев показал, что «он с Грибоедовым приехал к Бестужеву-Рюмину с намерением познакомить его, Грибоедова, с Сергеем Муравьевым, как с человеком умным, зная, что Грибоедов предполагал остаться в Киеве. Сергей Муравьев приехал к ним в полдень и уехал на другое утро рано. При нем разговор был общий, не касающийся до Общества».

8 февраля 1826 года, зимним вечером фельдъегерская тройка домчалась до Серпуховской заставы и въехала в Москву. Предстояло решить, куда отправиться на ночлег. Ехать домой было нельзя, так как появиться перед глазами матери и сестры в сопровождении фельдъегеря было немислимо. Грибоедов решил остановиться в доме брата Степана Бегичева — Дмитрия Никитича. Это было во всех отношениях благоразумно, так как младший Бегичев ни в чем замешан не был, и тройка поскакала в Старо-конюшенную слободу, где у Д. Бегичева был собственный особняк. Дмитрий Никитич сразу написал записку брату: «Если хочешь видеть Грибоедова, приезжай, он у меня». Не прошло и часа, как появился Степан Никитич. Во время обеда говорили о разных пустяках, так как за столом присутствовал и Уклонский. Дмитрий Никитич рассказал о том, как несколько дней назад в Москву было привезено тело покойного императора Александра. Тело усопшего императора было препровождено в Архангельский собор в Кремле, а в торжественной процессии, сопровождавшей гроб, шли и оба брата Бегичева, одетые в траурные шляпы и епанчи, как того требовал траурный церемониал. После обеда Грибоедов уговорил Уклонского навестить своих родных, проживающих в Москве, и когда тот удалился, узнал от Бегичева много важного, и прежде всего то, что участников давнего Союза благоденствия, не принимавших участия в более поздних декабристских организациях, никто не арестовывает. Выходит, отсутствовавшего в Петербурге 14 декабря Грибоедова арестовали не за давние либеральные высказывания о правительстве, а за что-то более серьезное, например по доносу кого-либо из арестованных. Следовало подумать, насколько опасным могло быть такое сообщение и какими сведениями располагал Следственный комитет. Серьезные опасения мог вызывать только один разговор с Рылеевым, но проходил он без свидетелей, а в остальном бояться было, кажется, нечего.

И вот 11 февраля 1826 Грибоедов был доставлен в Петербург и помещен в ордонансгауз (гауптвахту) Главного штаба.

Всего четыре месяца назад он покинул столицу как триумфатор и самый популярный драматург. Были планы и замыслы, а предстояло вновь оказаться под следствием, причем теперь уже куда более серьезным, чем то давнее, вызванное участием в дуэли четырех. Грибоедов не успел еще отдохнуть после утомительного пути и прийти в себя от волнения, как был приглашен на допрос к генерал-адъютанту В. Левашову. Левашов записал первое показание подозреваемого:

«Я Тайному обществу не принадлежал и не подозревал о его существовании. По возвращении моему из Персии в Петербург в 1825 году я познакомился посредством литературы с Бестужевым, Рылеевым и Абаленским. Жил вместе с Адуевским и по Грузии был связан с Кюхельбекером. Ото всех сих лиц ничего не слышал, могущего мне дать малейшую мысль о Тайном обществе. В разговорах их видел часто смелые суждения насчет правительства, в коих сам я брал участие: осуждал, что казалось вредным, и желал лучшего. Более никаких действий моих не было, могущих на меня навлечь подозрение, и почему оное на меня пало, истолковать не могу. Коллежский ассессор Александр Грибоедов».

Грибоедов избирает безошибочную тактику поведения на допросах: признавать очевидное, как, например, критические высказывания в адрес правительства, но последовательно отрицать какую бы то ни было организационную связь с заговорщиками и свое членство в обществе и даже самое знание о нем. После первого допроса арестованного писателя препроводили в здание Главного штаба и сдали под расписку дежурному генералу Потапову. Адъютант генерала капитан Жуковский отвел его на гауптвахту. Представшее зрелище поразило Грибоедова: в передней комнате двое молодых солдат учебного карабинерного полка без боевой амуниции, из этой комнаты стеклянная дверь вела в следующую, длинную комнату, которая в обычное время служила приемной генералу Толю, тогдашнему начальнику штаба первой действующей армии, когда он приезжал в Петербург; через стеклянную дверь видно было, как несколько человек сидели за самоваром. Среди них был и адъютант Ермолова Н. Воейков. Позднее чаепитие объяснялось тем, что одного из арестованных недавно привели с допроса, проходившего в крепости. Содержащиеся на гауптвахте арестованные объяснили новичку, что здесь

находятся только те, на которых пало подозрение, но чья вина еще не доказана. В противном случае ночевать оставили бы в Петропавловской крепости. Грибоедова поместили в следующей комнате, служившей, судя по мебели, Толю кабинетом и спальней. В этой комнате он содержался вместе с Дмитрием Иринарховичем Завалишиным, который впоследствии был осужден по первому разряду и приговорен к смертной казни, замененной каторгой. Содержались на этой гауптвахте еще несколько замечательных людей, и в том числе известный Иван Петрович Липранди, который приятельствовал с Пушкиным еще во время пребывания поэта в Кишиневе.

Арестованные содержались на гауптвахте за свой счет, брали обеды из ближайшей ресторации, и вот в этом случае очень пригодились деньги, которыми Степан Никитич Бегичев снабдил Грибоедова при прощании в Москве. Вечером узникам разрешалось выходить для прогулки в сопровождении армейского капитана Жуковского, присматривавшего за ними, а Булгарин передал своему другу множество книг, которыми имели возможность пользоваться все. Жуковский не имел ни малейшего желания стеснять своих подопечных, напротив, он как мог облегчал им условия содержания. Узнав, что Грибоедов — прекрасный музыкант, он, будучи сам любителем музыки, стал водить его и Д. Завалишина в расположенную неподалеку кондитерскую, где было фортепьяно. Приходили они обычно часов в семь вечера и проводили там часа полтора: Грибоедов играл на фортепьяно, Жуковский слушал, а Завалишин читал газеты. Грибоедову позволили навещать и своего друга А. Жандра. Он приходил к нему вечером и возвращался подчас под утро.

Прошло несколько дней, а Грибоедова все не вызывали на допросы, хотя заключенные рассказывали ему, что обыкновенно в первый день с каждым арестованным беседует сам государь. Тогда Грибоедов решил написать ему письмо. 15 февраля было написано очень спокойное по тону и достойное письмо:

«Всемиловейший государь!

По неосновательному подозрению, силою величайшей несправедливости, я был вырван от друзей, от начальника, мною любимого, из крепости Грозной на Сундже, чрез три тысячи верст в самую суровую стужу притащен сюда на перекладных, здесь посажен под крепкий караул, потом был вызван к генералу Левашову. Он обошелся со мною вежливо, я с ним — совершенно откровенно, от него отправлен с обещанием скорого освобождения. Между тем дни проходят, а я заперт. Государь! Я не знаю за собою никакой вины. В проезд мой из Кавказа сюда я тщательно скрывал мое имя, чтобы слух о печальной моей участи не достиг моей матери, которая могла бы ума лишиться. Но ежели продлится мое заточение, то, конечно, и от нее не укроется. Ваше императорское величество сами питаете благоговейнейшее чувство к Вашей августейшей родительнице...

Благоволите даровать мне свободу, которой лишиться я моим поведением никогда не заслуживал, или послать меня в Тайный комитет лицом к лицу с моими обвинителями, чтобы я мог обличить их во лжи и клевете.

Всемиловейший государь!

Вашего императорского величества верноподданный

Александр Грибоедов».

Тон этого письма был воспринят как дерзость со стороны Грибоедова, начальник Главного штаба генерал Дибич поставил на нем резолюцию: «Объявить, что этим тоном не пишут государю и что он будет допрошен». Судя по резолюции, письмо Николаю передано не было, и допрошен Грибоедов был только 25 февраля. Все это время Следственный комитет занимался тем, что пытался добиться от других арестованных, кто, когда и зачем принял в члены Тайного общества Грибоедова. С этой целью 14 февраля были допрошены Одоевский, Рылеев, Трубецкой и А. Бестужев. Одоевский совершенно отрицал причастность Грибоедова к Обществу; Рылеева спрашивали откровеннее, то есть задали самый животрепещущий вопрос:

«Когда и где был принят вами в члены Тайного общества коллежский асессор Грибоедов? Что именно было открыто ему о намерениях, видах и средствах Общества? Не было ли сделано ему поручения о свидании с кем-либо из членов Южного общества, а также о распространении членов ононого в корпусе генерала Ермолова и не имели ли вы от него уведомления о успехах его действия?»

Но Рылеев отверг какую бы то ни было связь Грибоедова с Обществом:

«С Грибоедовым я имел несколько общих разговоров о положении России и делал ему намеки о существовании Общества, имеющего целью переменить образ правления в России и ввести конституционную монархию, но как он полагал Россию к тому еще неготовую и к тому ж неохотно входил в суждения о сем предмете, то я и оставил его. Поручений ему никаких не было сделано, ибо хотя он из намеков моих мог знать о существовании Общества, но, не будучи принят мною, совершенно не имел права на доверенность Думы. Слышал я от Трубецкого, что во время бытности Грибоедова в прошлом году в Киеве некоторые члены Южного общества также старались о принятии его в оное, но не успели в том по тем же причинам, по каким и я принужден был оставить его».

Естественно, больше всего следователей интересовало, не заражен ли вольнолюбивыми мыслями Кавказский корпус. О том же практически спрашивают они и А. Бестужева:

«Когда и кем был принят в члены Тайного общества кол. асессор Грибоедов? Что известно ему было о намерениях, видах и средствах Общества? Не было ли сделано ему поручения о свидании с членами Южного общества и о распространении оных в корпусе генерала Ермолова?»

Но и Бестужев на высоте:

«С Грибоедовым, как с человеком свободомыслящим, я нередко мечтал о желании преобразования России. Говорил даже, что есть люди, которые стремятся к этому, но прямо об Обществе и его средствах никак не припомню, чтобы упоминал. Да и он, как поэт, желал этого для свободы книгопечатания и русского платья. В члены же его не принимал я, во-первых, потому, что он меня старше и умнее, а во-вторых, потому, что жалел подвергнуть опасности такой талант, в чем и Рылеев был согласен. Притом же прошедшего 1825 года зимою, в которое время я был знаком с ним, ничего положительного и у нас не было. Уехал он в мою бытность в Москве, в начале мая, и Рылеев, говоря о нем, ни о каких поручениях не упоминал. Что же касается до распространения членов в корпусе Ермолова, я весьма в том сомневаюсь, ибо оный, находясь вне круга действия, ни к чему бы нам служить не мог».

Казалось бы, ответ должен успокоить Следственный комитет и Николая, но следователи упорны, и 19 февраля новые вопросы, цель которых — выяснить наличие заговора в Кавказском корпусе и роль в этом заговоре Грибоедова и Ермолова, задаются уже Бестужеву-Рюмину, С. Муравьеву-Апостолу, Волконскому, Пестелю, а также полковнику Давыдову. У Бестужева-Рюмина спрашивают, по какому поводу Грибоедов был в Киеве, а также «какое дал обещание насчет содействия видам Общества и распространения членов ононого в Грузинском Корпусе?» От Муравьева-Апостола хотят добиться сведений насчет того, «Какого он (Грибоедов) был мнения и какое дал обещание насчет содействия видам Общества и распространения членов ононого в Грузинском корпусе?» О том же спрашивают Пестеля: «Не известно ли вам, когда и кем был принят в члены Тайного общества коллежский асессор Грибоедов? и не было ли ему сделано поручение насчет распространения членов в Грузинском корпусе?»

Совершенно очевидно, что все поиски сводятся к обнаружению заговора на Кавказе, где видится устрашающая фигура Ермолова. Однако ни один из допрошенных никаких новых сведений следователям не дал. Наконец 24 февраля допрошен уже сам Грибоедов.

Свою принадлежность к Тайному обществу Грибоедов отрицает начисто. Еще раз Грибоедов был допрошен 15 марта, но на этот раз вопросы касались некоторых частных. Николай убедился в главном: от Ермолова и возглавляемого им Отдельного Кавказского корпуса неприятностей ждать не следует; Грибоедов же к Тайному обществу отношения не имеет. Следственный комитет делает вывод:

«Коллежский асессор Грибоедов не принадлежал к Обществу и о существовании ононого не знал. Показание о нем сделано князем Евгением Оболенским 1-м со слов Рылеева; Рылеев же ответил, что имел намерение принять Грибоедова; но, не видя его склонным ко вступлению в Общество, оставил свое намерение. Все прочие его членом не почитают».

В результате на докладной записке о Грибоедове, поданной царю Следственным комитетом, Николай собственноручно написал:

«Выпустить с очистительным аттестатом»,

а рукою барона Дибича добавлено:

«Высочайше повелено произвести в следующий чин и выдать не в зачет годовое жалованье».

Итак, 2 июня Грибоедов был освобожден и поселился у Жандра. Он был оставлен вне подозрения. Однако ближайший друг его А. Жандр на вопрос Д. Смирнова о степени участия Грибоедова в заговоре 14 декабря ответил однозначно:

«Да какая степень? Полная... Если он и говорил о 100 человеках прапорщиках, то это только в отношении к исполнению дела, а в необходимость и справедливость дела он верил вполне».

Это утверждение невозможно оспорить, ведь известно поэтическое свидетельство самого Грибоедова, созданное им в виде экспромта во время следствия:

— По духу времени и вкусу
Он ненавидел слово «раб»...
— За то попался в Главный штаб
И был притянут к Иисусу!..

2 июня 1826 года Грибоедов был отпущен из-под ареста, а 6 июня представлен Николаю I. На полтора месяца он задерживается в Петербурге. Ему хотелось узнать об участи арестованных. Только в июле была опубликована официальная «Роспись государственным преступникам, приговором Верховного уголовного суда осуждаемым к разным казням и наказаниям».

Были среди осужденных и близкие друзья: Рылеев, про которого было сказано:

«Умышлял на цареубийство; назначал к совершению оною лица; умышлял на лишение свободы, на изгнание и на истребление царской фамилии и приутоговлял к оному средства...»

Рылеев в числе главных заговорщиков был приговорен вне разряда и осужден на смертную казнь четвертованием, которая была заменена повешением.

Коллежский асессор Кюхельбекер...

«Покушался на жизнь его высочества великого князя Михаила Павловича во время мятежа на площади...»

Штабс-капитан Александр Бестужев...

«Участвовал в бунте привлечением товарищей и нижних чинов и сочинением возмутительных стихов и песен...»

Корнет князь Одоевский:

«Участвовал в умысле бунта принятием в тайное общество одного члена и лично участвовал в мятеже с пистолетом в руках...»

16 июля 1826 года начинается русско-персидская война. Грибоедов должен выехать к месту службы. Но власти еще продолжают зондировать почву на предмет выяснения настроений Ермолова и его планов в связи с трагическими событиями декабря 1825. Летом 1826 в Петербурге был капитан Талызин, адъютант Ермолова, тот самый, который был свидетелем прибытия фельдъегеря Уклонского с предписанием об аресте Грибоедова и манипуляций Ермолова, позволивших Грибоедову своевременно уничтожить опасные бумаги.

Х

Итак, 16 июля 1826 Персия вероломно нарушила существовавший между Россией и Персией Гюлистанский мирный договор. Сорокатысячная иранская армия, возглавляемая наследником персидского престола, сыном Фет-Али-шаха честолюбивым Аббасом-Мирзой при активной финансовой поддержке со стороны Англии, предоставившей

Персии огромные денежные субсидии, вторглась в пределы закавказских владений России. Персы форсировали реку Араке и осадили крепость Шуша. Оставив осадный отряд, армия двинулась в глубь Кавказа, так что возникла непосредственная угроза для Тифлиса. Начавшаяся война не стала неожиданностью для Ермолова, который не сомневался, что рано или поздно воинственный Аббас-Мирза развяжет военные действия. Он неоднократно доносил в Петербург о военных приготовлениях, которые вела Персия, и просил усилить Кавказский корпус. Однако Николай не мог решиться усилить военную мощь корпуса, находившегося под командованием ненадежного генерала, и это привело к тому, что начало войны оказалось неудачным для России, располагавшей не слишком значительными силами, к тому же рассредоточенными на огромной территории. В неудачах власти, естественно, поспешили обвинить самого Ермолова, якобы плохо подготовившего войска к боевым действиям. Царь писал Ермолову о его «оплошностях» и выражал по этому поводу свое недовольство, а вскоре направил на Кавказ намечаемого на роль преемника Ермолова в качестве командующего Отдельным кавказским корпусом и Главноуправляющего Грузией своего любимца генерала И. Паскевича. Хотя официально вначале Паскевич считался «командующим войсками под главным начальством Ермолова», но было ясно, что он прибыл окончательно сменить Ермолова на его посту. В отношениях между генералами возникла неизбежная в таких случаях враждебность. Практически все офицеры Кавказского корпуса взяли в этой скрытой борьбе сторону своего любимого начальника генерала Ермолова.

В конце июля в связи с началом военных действий на Кавказе Грибоедов покинул Петербург и через Москву направился к месту службы. В начале августа он на один день заехал в деревню Дмитровскую к С. Бегичеву, где когда-то так счастливо проводил время в кругу друзей, работая над своей комедией. В середине августа Грибоедов отправляется на Кавказ.

28 августа в укреплении, называвшемся Мечетской, Грибоедова догнал Д. Давыдов, также ехавший на Кавказ. С Давыдовым Грибоедов доедет до самого Тифлиса, в который они попадут 3 сентября, обогнав по пути батальон гвардейцев, отправленных на театр военных действий за участие в восстании на Сенатской площади. Со знаменитым поэтом-партизаном Грибоедов познакомился еще в 1823 во время пребывания в Петербурге. Приходившийся генералу Ермолову двоюродным братом, Давыдов тогда же писал ему:

«Я сейчас от вашего Грибоедова, с которым познакомился по приезде его сюда и каждый день с ним вижу. Мало людей мне более по сердцу... Завтра я еду в деревню и если о ком сожалею, так это о нем: истинно могу сказать, что еще не довольно наслаждался его беседою».

Симпатия тогда была взаимной. И Грибоедов писал в 1825 С. Бегичеву:

«Дениса Васильевича обнимаю и души от моего имени. Нет, здесь нет эдакой буйной и умной головы, я это всем твержу, все они, сопливые меланхолики, не стоят выкурки из его трубки».

Теперь же характер их отношений изменился, так как сторонники Ермолова, и в том числе Давыдов, обвинили Грибоедова в том, что он изменил своему бывшему начальнику и в споре Ермолова с Паскевичем занял сторону последнего. Конечно, это было несправедливо, к тому же Грибоедов оказался в очень трудном положении: ведь генерал Паскевич, женатый на его двоюродной сестре, приходился ему тем самым родственником. Вражда генералов угнетала и раздражала его. Он признавался С. Бегичеву в декабре 1826:

«На войну не попал, потому что и Алексей Петрович туда не попал. А теперь другого рода война. Два старшие генерала ссорятся, с подчиненных перья летят. С Алексеем Петровичем у меня род прохлаждения прежней дружбы. Денис Васильевич этого не знает, я не намерен вообще давать это замечать, и ты держи про себя. Но старик наш человек прошедшего века. Несмотря на все превосходство, данное ему от природы, подвержен страстям, соперник ему глаза колет, а отделаться от него он не может и не умеет. Упустил случай выставить себя с выгодной стороны в глазах соотечественников, слишком уважал неприятеля, который этого не стоил. Вообще война с персиянами самая несчастная, медленная и безотвязная. Погодим и посмотрим».

Отношение Грибоедова к Ермолову вообще было далеко от восторженно апологетического. Восхищаясь заслуженным генералом, Грибоедов в то же время видел и недостатки его характера и поведения. Знаменитый актер М. Щепкин вспоминал такой рассказ Грибоедова:

«Я сказал в глаза Алексею Петровичу вот что: зная ваши правила, ваш образ мыслей, приходишь в недоумение, потому что не знаешь, как согласить их с вашими действиями; на деле вы совершенный деспот. — “Испытай прежде сам прелесть власти, — отвечал мне Ермолов, а потом и осуждай”. Но теперь возникшие между ними недоразумения были Грибоедову вдвойне тяжелы, так как его дружба с Ермоловым была освящена семейным преданием: штаб-квартира офицерского заговора против Павла I, в котором принимал участие молодой Ермолов, находилась в доме Марьи Ивановны Аргамаковой, приходившейся Грибоедову бабкой. Да и вся эта суэта, “ярмарка тщеславия”, была ему, писателю, чужда. Не случайно в этом же письме Бегичеву мы находим такие строчки: “Я на досуге кое-что пишу. Жаль, что не в силах распространиться тебе о себе и моих созданиях. <...> Буду ли я когда-нибудь независим от людей? Зависимость от семейства, другая от службы, третья от цели в жизни, которую себе назначил, и может стать, наперекор судьбы. Поэзия!! Люблю ее без памяти, страстно, но любовь одна достаточна ли, чтобы себя прославить? И наконец, что слава? По словам Пушкина...

Лишь яркая заплата
На ветхом рубище певца¹.

Кто нас уважает, певцов истинно вдохновенных, в том краю, где достоинство ценится в прямом содержании к числу орденов и крепостных рабов? Все-таки Шереметев у нас затмил бы Омира², скот, но вельможа и крез. Мученье быть пламенным мечтателем в краю вечных снегов. Холод до костей проникает, равнодушные к людям с дарованием...»

Те же настроения и в письме Булгарину, написанном спустя четыре месяца:

«Не ожидай от меня стихов, горцы, персиане, турки, дела управления, огромная переписка нынешнего моего начальника поглощают все мое внимание. Ненадолго, разумеется, кончится кампания, и я откланяюсь. В обыкновенные времена никуда не гоюсь: и не моя вина; люди мелки, дела их глупы, душа черствеет, рассудок затмевается и нравственность гибнет без пользы ближнему. Я рожден для другого поприща».

13 сентября 1826 русские войска под командованием Паскевича атаковали в районе Елизаветполя во много раз превосходящие силы персов и наголову разбили Аббаса-Мирзу, вынудив его отступить за Араке. Весной русские войска заняли значительную часть Армении, а после падения крепости Эривань военные действия были перенесены на территорию южного Азербайджана. После взятия Тавриза скорое поражение Персии стало очевидным, это вынудило Персию пойти на мирные переговоры, которые проходили в селе Туркманчай близ Тавриза на территории Персии. Туда и отправился Грибоедов для переговоров с Аббас-Мирзою. Там 10 февраля 1828 года был подписан мирный договор, получивший название Туркманчайского, в составлении которого Грибоедов принял непосредственное участие, и даже можно говорить, что в значительной мере написал его. По этому договору к России отходили Эриванское и Нахичеванское ханства, а также Персия обязывалась выплатить России десять куруров, то есть двадцать миллионов рублей серебром. Для русских купцов предусматривалось значительное улучшение условий торговли, а по настоянию Грибоедова в договор был включен пункт, согласно которому объявлялось беспрепятственное переселение на территорию России всех армян, желающих уехать из Персии. Этот договор стал крупной дипломатической победой России.

11 февраля Грибоедов выезжает в Петербург с донесением об одержанных дипломатических и военных победах. Через месяц с небольшим, 14 марта, Петербург встречал Грибоедова как триумфатора: прибытие его возвестил гром пушек. Его ожидали в столице с таким нетерпением, что император даже намеревался выслать встречающих, чтобы узнать, не случилось ли что-нибудь с важным курьером. Все понимали, что Грибоедов

¹ Цитата из стихотворения Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом».

² Так называли в России Гомера.

будет хорошо награжден. Грибоедов сделался на время героем дня в столице, но остался для друзей прежним милым и дорогим человеком.

Генералу Паскевичу был пожалован титул графа Эриванского и миллион рублей; Грибоедов был произведен в чин статского советника, а также награжден орденом Святой Анны и четырьмя тысячами червонцев. 15 апреля последовало следующее выражение монаршей милости: Грибоедов был назначен министром-резидентом, то есть фактически русским посланником в Персии. Это новое назначение Грибоедова и милости, которыми осыпал его двор, произвели необычайное оживление в Петербурге и породили прилив доверия правительству и самому Николаю. М. фон Фок доносил императору:

«Литераторы, молодые способные чиновники и все умные люди торжествуют. Это победа над предрассудками и рутиной. “Так Петр Великий, так Екатерина создавали людей для себя и отечества”, – говорят в обществах. Возвышение Дашкова и Грибоедова <...> почитают залогом награды дарованиям, уму и усердию к службе. Должно прибавить, что Грибоедов имеет особенный дар привязывать к себе людей своим умом, откровенным, благородным обращением и ясною душою, в которой пылает энтузиазм ко всему великому и благородному. Он имеет толпы обожателей везде, где только жил, и Грибоедовым связаны многие люди между собою. Приобретение сего человека для правительства весьма важно в политическом отношении. Натурально, что при сем случае появилось много завистников, но это — глас — вопиющий в пустыне. Вообще теперь раскрыта важная истина, что человек с дарованием может всего надеяться от престола, без покровительства баб и не ожидая, пока преклонность лет сделает его неспособным к службе, когда длинный ряд годов выведет его в министры. Везде кричат: “Времена Петра!”»

Но, конечно, не эти официальные почести больше всего радовали Грибоедова: он вновь получил возможность встретиться с друзьями, погрузиться в мир литературных и художественных интересов. 27 марта он вместе с Жуковским, Вяземским и Пушкиным обедает у известного композитора М. Вьельгорского. Вяземский отмечает, что Пушкин и Грибоедов похожи в своей импульсивности и пылкости. 17 мая Пушкин читал свою трагедию «Борис Годунов» в доме графа Лавалля в присутствии Грибоедова, Мицкевича и еще нескольких слушателей. Грибоедов и раньше знал о существовании этой еще не напечатанной трагедии, так как Пушкин читал ее в домах друзей. Еще 9 декабря 1826 он писал из Тифлиса С. Бегичеву:

«Когда будешь в Москве, попроси Чаадаева и Каверина, чтобы прислали мне трагедию Пушкина “Борис Годунов”. И сейчас пьеса произвела на Грибоедова очень большое впечатление, и, конечно, возникли творческие споры. Пушкин впоследствии в одном из набросков предисловия к трагедии косвенно признал правоту Грибоедова в этих спорах: Грибоедов критиковал мое изображение Иова — патриарх действительно был человеком большого ума, я же, по недосмотру, сделал из него глупца».

Стремительно неслись дни пребывания Грибоедова в России, и вот наступило 6 июня, когда он выехал из Петербурга в Персию к месту службы. По дороге в последний раз заехал к Бегичеву в его имение и пробыл там три дня. Там он признался другу в том, что все, чем он занимался до сих пор, — для него дела посторонние, а настоящее его призвание — кабинетная жизнь и творчество. Бегичев спросил друга, нет ли у него новой написанной комедии или плана какого-либо сочинения. Грибоедов ответил, что комедий больше не пишет, так как веселость его исчезла, но открыл секрет, что есть у него написанная трагедия и даже прочел наизусть несколько сцен. Бегичев просил прочитать трагедию целиком, но Грибоедов отказался, потому что считал, что пока слишком пристрастен к ней, что еще не в состоянии взглянуть на нее объективно, что должно пройти не менее пяти лет, чтобы он смог глядеть на нее как на чужое сочинение и трезво оценивать ее недостатки. Речь шла о дошедшей до нас в отрывках трагедии «Грузинская ночь», о содержании которой мы знаем по воспоминаниям Булгарина:

«Во время военных и дипломатических занятий Грибоедов в часы досуга уносился душою в мир фантазии. В последнее пребывание свое в Грузии он сочинил план романтической трагедии и несколько сцен, вольными стихами с рифмами. Трагедию назвал он “Грузинская ночь”; почерпнул предмет оной из народных преданий и основал на характере и нравах грузин. Вот содержание: один грузинский князь за выкуп любимого коня отдал другому князю отрока, раба своего. Это было делом обыкновенным, и потому князь не думал о следствиях. Вдруг является мать отрока, бывшая кормилица князя, няня дочери его, упрекает его в бесчеловечном поступке, припоминает службу свою, и требует

возврата сына или позволения быть рабою одного господина и угрожает ему мщением ада. Князь сперва гневается, потом обещает выкупить сына кормилицы и, наконец, по княжескому обычаю, — забывает обещание. Но мать помнит, что у нее отторжено от сердца детище и, как азиатка, умышляет жестокую месть. Она идет в лес, призывает Дели, злых духов Грузии, и составляет адский союз на пагубу рода своего господина. Появляется русский офицер в доме, таинственное существо по чувствам и образу мыслей. Кормилица заставляет Дели вселить любовь к офицеру в питомице своей, дочери князя. Она уходит с любовником из родительского дома. Князь жаждет мести, ищет любовников и видит их на вершине горы св. Давида. Он берет ружье, прицеливается в офицера, но Дели несут пулю в сердце его дочери. Еще не свершилось мщение озлобленной кормилицы! Она требует ружья, чтобы поразить князя, — и убивает своего сына. Бесчеловечный князь наказан небом за презрение чувств родительских и познает цену потери детища. Злобная кормилица наказана за то, что благородное чувство осквернила местью. Они гибнут в отчаянии. Трагедия, основанная, как выше сказано, на народной грузинской сказке, если бы была так окончена, как начата, составила бы украшение не только одной русской, но всей европейской литературы. Грибоедов читал нам наизусть отрывки, и самые холодные люди были растроганы жалобами матери, требующей возврата сына у своего господина. Трагедия сия погибла вместе с автором!..»

Во время последнего пребывания своего у Бегичева Грибоедов был задумчив и мрачен. Его томили мрачные предчувствия. Он сказал своему другу: «Прощай, брат Степан, вряд ли мы с тобою более увидимся!!!» Бегичев укорил друга за ипохондрию и тяжелые мысли и сказал, что судьба миловала его в сражениях, в которых он бывал, так что теперь и вовсе нечего бояться.

«Я знаю персиян, — отвечал Грибоедов. — Алляяр-хан мой личный враг, он меня уходит! Не подарит он мне заключенного с персиянами мира. Старался я отделаться от этого посольства. Министр сначала предложил мне ехать поверенным в делах, я отвечал ему, что там нужно России иметь полномочного посла, чтобы не уступать шагу английскому послу. Министр улыбнулся и замолчал, полагая, что я, по честолюбию, желаю иметь титул посла. А я подумал, что туча прошла мимо и назначат кого-нибудь чиновнее меня, но через несколько дней министр присылает за мной и объявляет, что я по высочайшей воле назначен полномочным послом. Делать было нечего! Отказаться от этого под каким-нибудь предлогом, после всех милостей царских, было бы с моей стороны самая черная неблагодарность. Да и самое назначение меня полномочным послом в моем чине я должен считать за милость, но предчувствую, что живой из Персии не возвращусь».

С таким настроением 5 июля приезжает Грибоедов в Тифлис и через полторы недели делает предложение Нине Александровне Чавчавадзе, дочери известного грузинского поэта, родоначальника грузинского романтизма, генерала русской службы Александра Гарсевановича Чавчавадзе (1786–1846). Чавчавадзе участвовал в войне 1812 года, был адъютантом Барклая-де-Толли. За участие в битве под Лейпцигом был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость», а также многими орденами и даже французским орденом Почетного легиона. Некоторое время Чавчавадзе служил в том же лейб-гвардии гусарском полку, в котором служили П. Чаадаев, Н. Раевский, П. Каверин. Участвовал он и в русско-персидских войнах, а в 1832 стал участником заговора за отторжение Грузии от России, был сослан в Тамбов и прощен; вернулся в Грузию, в Тифлис, где его дом стал своеобразным литературным салоном. Был он одним из образованнейших людей своего времени, владел европейскими и восточными языками.

22 августа 1828 года состоялась свадьба Грибоедова и Нины Чавчавадзе. Во время венчального обряда Грибоедов, страдавший в это время лихорадкой, обронил обручальное кольцо и сказал: «C'est de mauvais augure»¹. По случаю венчания 24 августа в доме, где жил Грибоедов, был устроен свадебный обед и бал, а через день бал в честь молодоженов дал военный губернатор Тифлиса генерал Сипягин. Все было очень празднично и торжественно, был даже устроен фейерверк, после которого Сипягин и Н. Грибоедова открыли бал полонезом.

9 сентября русская дипломатическая миссия во главе с Грибоедовым выехала из Тифлиса и направилась в Персию. Вместе с мужем едет и Н. Чавчавадзе. Через Эривань посольство прибывает в Тавриз, где Грибоедов оставляет жену и выезжает в Тегеран для

¹ Это дурное предзнаменование (франц.).

представления шаху, куда и прибывает в самом конце декабря в сопровождении секретаря, врача и переводчиков; 3 декабря, еще находясь в Тавризе, Грибоедов пишет письмо-донесение генералу Паскевичу. Среди дипломатических соображений, денежных расчетов и рассказов о собственных своих делах вдруг в самом конце письма прорывается пронзительная нота:

«Благодетель мой бесценный. Теперь без дальних предисловий, просто бросаюсь к вам в ноги, и если бы с вами был вместе, сделал бы это, и осыпал бы руки ваши слезами. Вспомните о ночи в Тюркменчае перед моим отъездом. Помогите, выручите несчастного Александра Одоевского. < ...> Я видал, как вы усердно Богу молитесь, тысячу раз видал, как вы добро делаете. Граф Иван Федорович, не пренебрегите этими строками. Спасите страдальца».

Это предпоследнее письмо Грибоедова.

Одоевский был дружен с Грибоедовым, летом 1824 в Петербурге Грибоедов жил у Одоевского, где в присутствии самого автора производилась коллективная переписка комедии «Горе от ума».

Старания Грибоедова увенчались успехом, и Одоевский из сибирской каторги был переведен на Кавказ, правда, уже после смерти своего заступника. Не только Одоевский из декабристов был предметом заботы и заступничества со стороны Грибоедова перед властями предержажими. Известно, что он принял участие и в судьбе другого писателя-декабриста, А. Бестужева-Марлинского, тоже переведенного на Кавказ из Якутска. В 1832 Бестужев-Марлинский писал из Дербента:

«Тяжело мне было здесь сначала, и нравственно еще более, чем физически. Паскевич грыз меня особенно своими секретными. Казалось, он хотел выместить памяти Грибоедова за то, что тот взял слово мне благодетельствовать, даже выпросить меня из Сибири у государя. Я видел на сей счет сделанную покойным записку... Благороднейшая душа! Свет не стоил тебя... по крайней мере, я стоил его дружбы и горжусь этим».

Младший брат А. Бестужева-Марлинского Петр Бестужев писал в своих мемуарах о Грибоедове:

«До рокового происшествия я знал в нем только творца чудной картины современных нравов, уважал чувство патриотизма и талант поэтический. Узнавши, что я приехал в Тифлис, он с видом братского участия старался сблизиться со мною. Слезы негодования и сожаления дрожали в глазах благородного; сердце его обливалось кровию при воспоминании о поражении и муках близких ему по душе, и, как патриот и отец, сострадал о положении нашем. Невзирая на опасность знакомства с гонимыми, он явно и тайно старался быть полезным. Благородство и возвышенность характера обнаруживались вполне, когда он дерзнул говорить государю в пользу людей, при одном имени коих бледнел оскорбленный властелин!..»

Вероятно, П. Бестужев имел в виду какие-то слова Грибоедова, сказанные им Николаю при аудиенции, имевшей место в феврале 1828, когда Грибоедов привез в Петербург Туркманчайский трактат, и ставшие известными мемуаристу.

Сохранилось и письмо Грибоедова, написанное в начале июня 1828 и адресованное А. Одоевскому, полное нежной дружеской заботы о близком человеке, попавшем в несчастье:

«Брат Александр. Подкрепи тебя Бог. Я сюда прибыл на самое короткое время, прожил гораздо долее, чем полагал, но все-таки менее трех месяцев. Государь наградил меня щедро за мою службу. Бедный друг и брат! Зачем ты так несчастлив! Теперь ты бы порадовался, если бы видел меня в гораздо лучшем положении, нежели прежде, но я тебя знаю, ты не останешься равнодушным, при получении этих строк и там... вдали, в горе и в разлуке с ближними.

Осмелюсь ли предложить утешение в нынешней судьбе твоей! Но есть оно для людей с умом и чувством. И в страдании заслуженном можно сделаться страдальцем почтенным. Есть внутренняя жизнь нравственная и высокая, независимая от внешней. Утвердиться размышлением в правилах неизменных и сделаться в узах и в заточении лучшим, нежели на самой свободе. Вот подвиг, который тебе предстоит. Но кому я это говорю? Я оставил тебя прежде твоей экзальтации в 1825 году. Она была мгновенна, и ты верно теперь тот же самый кроткий, умный и прекрасный Александр, каким был... Помнишь, мой друг, во время наводнения, как ты плыл и тонул, чтобы добраться до меня и меня спасти.

Кто тебя завлек в эту гибель!! Ты был хотя моложе, но основательнее прочих. Не тебе бы к ним примешаться, а им у тебя ума и доброты сердца позаимствовать! Судьба иначе определила, довольно

об этом.

Слышу, что снисхождением высшего начальства тебе и товарищам твоим дозволится читать книги. Сейчас еду покупать тебе всякой всячины...»

XI

В Тегеране русское посольство во главе с Грибоедовым было принято со всеми возможными почестями при дворе шаха. Были соблюдены все условия особенного церемониала встречи русских послов, ставящего их в привилегированное положение по сравнению с послами других держав, установленные по условиям Туркманчайского договора. Шах очень любезно принял Грибоедова и обещал ему, что все условия мирного договора будут неукоснительно соблюдаться. Грибоедов был награжден персидским орденом Льва и Солнца 1-й степени; другие чиновники получили тот же орден, но 2-й и 3-й степеней. Грибоедов собирался выезжать в Тавриз, но неожиданный случай повернул все по-другому. В русскую миссию явился человек по имени Мирза-Якуб, им оказался бывший российский подданный Якуб Маркарян, выходец из Эривани, взятый в плен персами в 1804 и служивший к этому времени казначеем шахского гарема. Он выразил желание вернуться на родину, в Эривань. По условиям Туркманчайского договора он имел на это неоспоримое право, а сам Грибоедов добивался неукоснительного соблюдения именно этого пункта договора, внесенного в текст соглашения главным образом по его настоянию, но поскольку Мирза-Якуб пришел в миссию поздним вечером, Грибоедов предложил ему вернуться домой, а утром прийти снова, чтобы никто не подумал, что дело идет о каком-то сговоре или об укрывательстве преступника. На другой день Мирза-Якуб снова пришел к Грибоедову, и Грибоедов начал уговаривать его остаться в Тегеране, где он занимал очень высокое положение при дворе шаха, был знатным человеком, а в родном городе он станет ничем. Но Мирза-Якуб был непреклонен, и тогда Грибоедов предложил ему остаться в миссии, а в его дом отправил человека, чтобы перенести вещи Мирзы-Якуба.

Когда известие об этих событиях достигло шаха, тот разгневался, и весь двор был в негодовании, так как счел происходящее оскорблением достоинства самого шаха. Шахские приближенные начали искать различные способы предотвратить отъезд Мирзы-Якуба, предъявляя ему материальные претензии и чиня другие препоны. По городу стали распускать слухи о том, что русский посланник хочет надругаться над религией персиян, и кто-то стал умело использовать религиозный фанатизм толпы для раздувания антироссийских настроений среди тегеранской черни. Происшествию старались придать вид стихийного бунта, но на самом деле все было хорошо подготовлено. Обстоятельства гибели Грибоедова теперь уже никогда не станут известны нам в полной мере, но можно предположить, что за всеми этими событиями стояла английская дипломатия, так как Англия была напугана усилением российских позиций в Средней Азии. Согласно донесению фон Фока о трагических событиях в Тегеране, «один член английского посольства, выехавший почти в одно время с Грибоедовым из Петербурга, говорил ему в присутствии друга: “Берегитесь! вам не простят Туркманчайского мира!”» Английский посол Д. Макдональд после всего происшедшего выразил протест персидскому правительству. В отличие от него первый секретарь английской миссии авантюрист Г. Уиллок, доктор Макниль и другие проводили политику, подстрекающую Персию к конфликту с Россией. Так или иначе, но недовольство толпы искусно подогревалось, муллы приказали закрыть базары, а народу велели собираться в мечетях. В роковой день 30 января множество людей собралось в мечетях. Разъяренная толпа устремила к дому, в котором располагалась русская миссия. Персидский караул, приставленный для охраны дипломатического представительства, был сметен, некоторое сопротивление оказали казаки, которые недолго отстреливались от бушующей и наседающей толпы, но были убиты. Десятка два человек дипломатических чиновников и обслуживающего персонала посольства собрались в комнате посланника и мужественно защищались. Но силы были неравные. Нападавшие заняли крыши строений и через разломанные потолки стали забрасывать защищающихся камнями, потом кто-то поджег крышу. Все находившиеся в комнате, включая

Грибоедова, были убиты. Начался грабеж, растаскали не только деньги и ценные вещи, но также и те бумаги, которые не успели сгореть во время пожара. В результате все бесценные сведения о Грибоедове пропали безвозвратно. Всего было убито в тот ужасный день 37 человек. Тело какого-то погибшего сотрудника посольства, принятое за тело Грибоедова, таскали по улицам Тегерана, привязав к ногам веревку.

Когда известие о гибели Грибоедова достигло Тифлиса, то его не сразу решились открыть Н. Грибоедовой, ставшей вдовой через четыре месяца после свадьбы. Узнав об этой трагедии, она серьезно заболела и хворала несколько месяцев.

Царское правительство, которое в это время начало войну с Турцией, не хотело обострять отношения с Персией и посчитало возможным свести трагические события в Тегеране к простой случайности, вызванной неосторожными действиями некоторых членов русской миссии, и потребовало только официальных извинений со стороны персидского правительства. В конце апреля 1829 специальное посольство во главе с пятым сыном наследного принца Аббас-Мирзы двадцатитрехлетним Хосров-Мирзой прибыло в Россию и 12 августа было принято императором Николаем в Зимнем дворце в Петербурге. Хосров-Мирза огласил послание шаха и передал императору его подарки, в том числе знаменитый алмаз «Шах». Николай I простил Персии десятый курур, положенный по контрибуции, определенной Туркманчайским договором, а выплату девятого рассрочил на пять лет.

Позднее в послужной список покойного писателя и дипломата была вставлена фраза:

«Во время смятения, происшедшего в Тегеране, лишился жизни 1829 г. января 30».

Если на власти Российской империи гибель полномочного посла Грибоедова не произвела сильного впечатления и не повлекла никаких серьезных дипломатических шагов, то русское общество скорбело о трагической смерти писателя Грибоедова. П. Вяземский признавался поэту И. Дмитриеву:

«Я был сильно поражен ужасным жребием несчастного Грибоедова. Давно ли видел я его в Петербурге блестящим счастливецом, на возвышении государственных удач; давно ли завидовал ему, что он едет посланником в Персию, в край моего воображения, который всегда имел приманку чудесности восточных сказок, обещал ему навестить его в Тегеране и еще на днях, до получения рокового известия, говорил жене, что, не будь войны на Востоке, я нынешним летом съездил бы к нему. Как судьба играет нами, и как люто иногда! Я так себе живо представляю пылкого Грибоедова, защищающегося от исступленных убийц, изнемогающего под их ударами. И тут есть что-то похожее на сказочный бред, ужасный и тяготительный».

18 июля 1830 состоялись похороны Грибоедова в Тифлисе в ограде монастырской церкви святого Давида на горе Мтацминда. В 1833 на его могиле вдова воздвигла памятник и приказала выбить следующую надпись:

«Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя».